

АНДРЕ МОРУА
ИСТОРИЯ
СОЕДИНЕННЫХ
ШТАТОВ
АМЕРИКИ

Андре Моруа

**История Соединенных
Штатов Америки**

«Азбука-Аттикус»

2006

УДК 94(73)
ББК 63.3(7)

Моруа А.

История Соединенных Штатов Америки / А. Моруа — «Азбука-Аттикус», 2006

ISBN 978-5-389-22137-6

Андре Моруа, классик французской литературы XX века, автор знаменитых романизированных биографий Дюма, Бальзака, Виктора Гюго, Шелли и Байрона, считается подлинным мастером психологической прозы. Однако значительную часть наследия писателя составляют исторические сочинения. История возникновения Соединенных Штатов Америки представляла для писателя особый интерес, ведь она во многом уникальна. Могущественная держава с неоднозначной репутацией сформировалась на совершенно новой территории, коренные жители которой едва ли могли противостоять новым поселенцам. В борьбе колонистов из разных европейских стран возникло государство нового типа. Андре Моруа рассказывает о многих «развилках» на этом пути, о деятельности отцов-основателей, о важных связях с метрополиями Старого Света. Впервые на русском языке!

УДК 94(73)

ББК 63.3(7)

ISBN 978-5-389-22137-6

© Моруа А., 2006
© Азбука-Аттикус, 2006

Содержание

Предисловие	8
Книга первая	9
I. Земля и люди	10
II. Индейцы	12
III. Испанцы в Америке	24
IV. Англичане в Америке	35
V. Англичане. II	49
VI. Французы в Америке	57
VII. Эпоха войн	69
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Андре Моруа

История Соединенных Штатов Америки

André Maurois HISTOIRE DES ÉTATS-UNIS
Copyright © 2006, The Estate of André Maurois,
Anne-Mary Charrier, Marseille, France

© С. Ю. Васильева, перевод, 2022

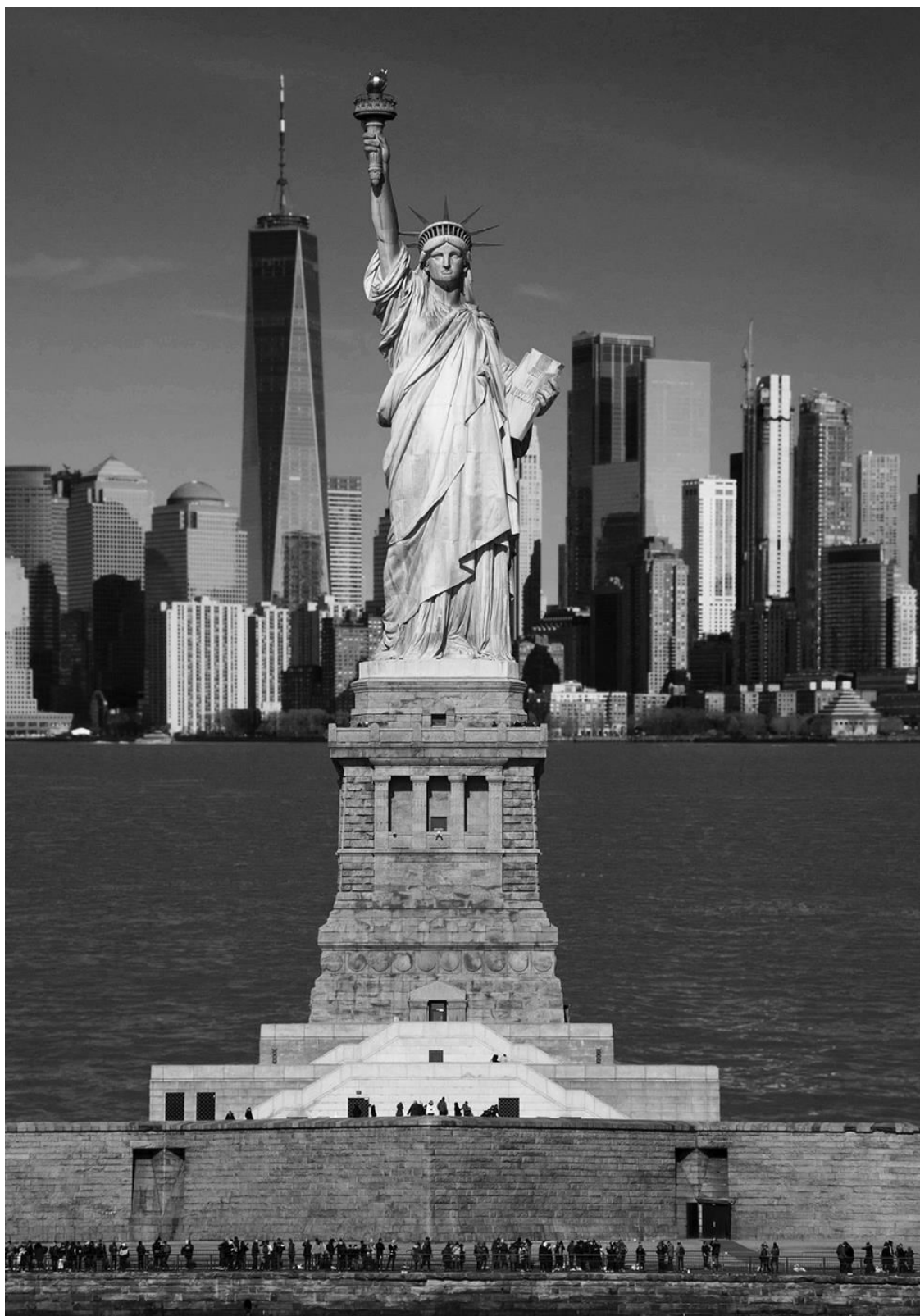
© М. Е. Тайманова, перевод, 2022

© Издание на русском языке, оформление

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство КоЛибри®

* * *

АНДРЕ МОРУА

**ИСТОРИЯ
СОЕДИНЕННЫХ
ШТАТОВ
АМЕРИКИ**

Предисловие

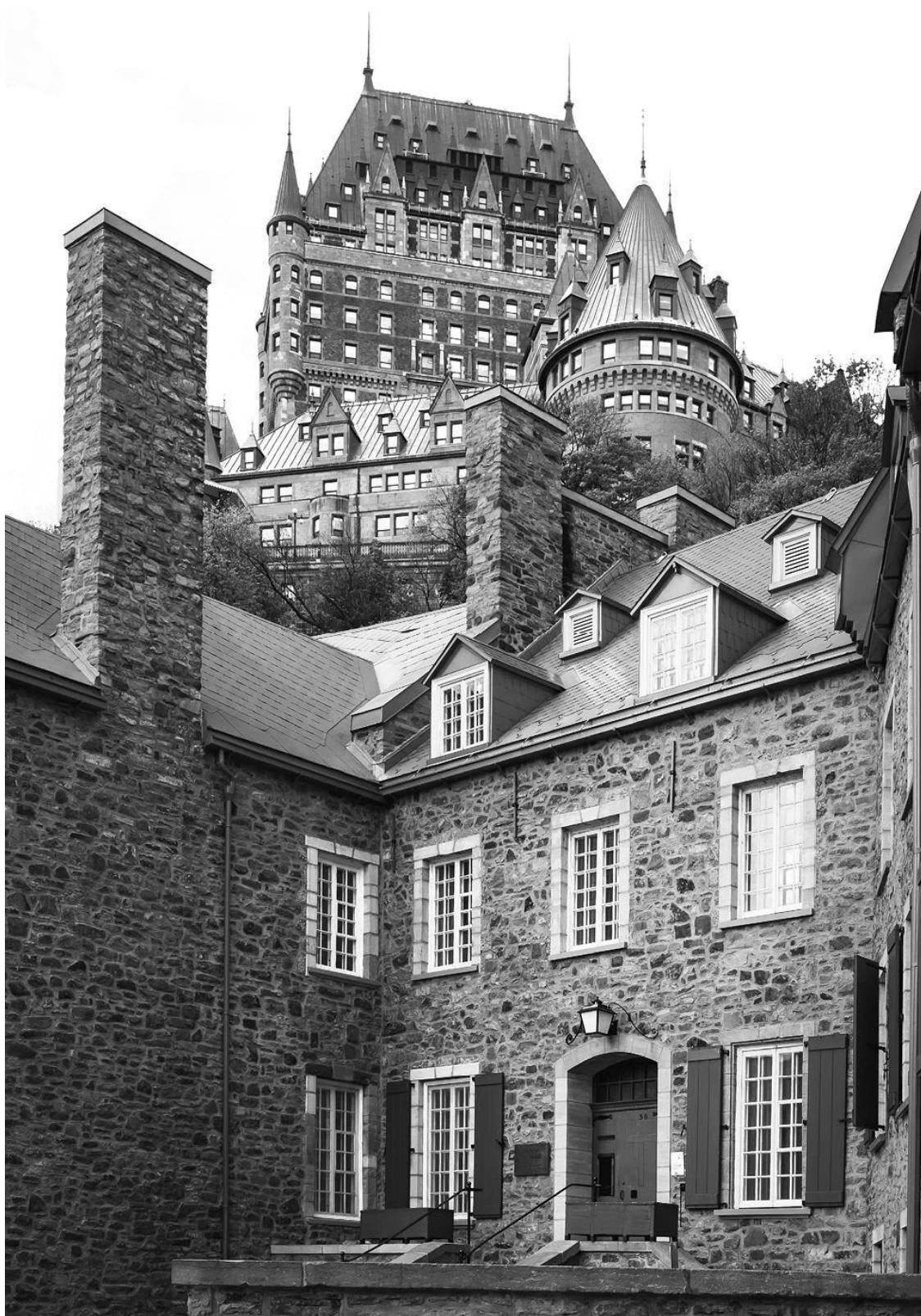
Эта «История Соединенных Штатов Америки» аналогична «Истории Англии», опубликованной мною в 1937 году. В обеих книгах я стремился набросать для французского читателя общую картину развития цивилизации и политической системы. Подобные сочинения кажутся мне полезными, и не потому, что они дают дополнительный материал для эрудитов, а потому, что в форме связного и относительно простого рассказа упорядочивают многочисленные документы, которые никогда не были переведены на французский язык. В Америке было и есть немало замечательных историков. Многих из них я читал и теперь попытался извлечь из их трудов главное, чтобы как можно яснее представить факты.

Из всех национальных историй историю Соединенных Штатов, их истоков, писать сложнее всего. До рассмотрения того, как формировалось собственно государство, нация, следует поведать об основании и эволюции нескольких различных колоний. Эта первая часть рассказа потребует от читателя много терпения и внимания. Поэтому многие историки Америки начинали свое повествование с кануна Войны за независимость. Я решил не облегчать себе задачу подобным образом.

Горячо благодарю Кристиана Гаусса, декана Принстонского университета; он согласился прочесть гранки этой книги, и его советы имели для меня большую ценность.

А. М.

Книга первая Европа открывает Америку

I. Земля и люди

1. Около пяти веков назад народы Европы, Африки и Азии не знали даже о существовании земель, которые мы сегодня называем Америкой. От европейских и азиатских центров цивилизации их отделяли океаны, столь обширные, что мореплаватели не имели ни намерений, ни смелости, ни средств преодолеть их. Единственные относительно близкие к Старому Свету точки располагались на Севере, в труднодоступных регионах с холодным климатом. На огромных территориях было разбросано население, которое сегодня уместилось бы в нескольких небоскребах на Манхэттене. Отсюда главное следствие: стоило путешественникам открыть эти пустынные ЗЕМЛИ, как они тотчас превратились в некий экспериментальный полигон. Европейцам впервые выпала такая удача: несколько недель плавания – и они освободились от раздиравших их многовековых усобиц. Впервые преследовавшие их проблемы землевладения и вражда отступали на задний план. Впервые с доисторических времен злейшим врагом человека становился не сам человек, а природа. Благодаря этой встрече неизведанного континента и развитой цивилизации история общества стала развиваться в новом направлении.

2. Последствия этой встречи были бы не столь замечательны, если бы климат Америки оказался менее благотворен для европейцев. Тогда американские поселения так и остались бы колониями, населенными немногочисленными плантаторами. На деле же европейцы легко адаптировались к климату Северной Америки. Смена времен года здесь была более резкой, а погода – более изменчивой, чем в Европе, но многие колонисты чувствовали себя лучше, чем на родине, хотя некоторые и утверждали, что это всего лишь короткая эйфория. Тяготы путешествия и дикость новых мест поначалу отсеивали слабых духом и телом, а потому новый народ естественным образом оказался выносливым. Да и риска нехватки пропитания почти не было. В Америке не было еще европейских злаков, но индейцы разводили великолепные местные культуры. В лесах было полно плодов, дичи, в море – рыбы. И если первые плантаторы чуть не умерли с голода, то причиной тому были невежество и жадность, из-за которых они прежде всего бросились добывать золото и серебро, а не заготавливать маис или треску. Доставленные из Европы скот и домашняя птица начали размножаться с удивительной быстротой в климате, оказавшемся для них столь же благотворным, как и для белого человека. Лесистые берега Атлантики обеспечивали колонистов неисчерпаемыми запасами материалов для строительства домов и кораблей. Позже потомки первых поселенцев обнаружат, что эта чудесная земля скрывает в своих недрах залежи металлов, угля, нефти и почти всего того, что нужно человеку. Неисследованный континент стоил того, чтобы его исследовали.

3. И наконец, континент не был непроходимым. Америка была обращена к Европе, так же как и Европа – к Америке. Восточное побережье Нового Света с изрезанной линией берега, множеством естественных гаваней, с глубокими устьями рек радушно встречало моряков. Холмы, преградившие путь белым пришельцам, не были непреодолимыми и не препятствовали их продвижению вглубь континента. Если бы берег, лежащий напротив Европы, представлял собой, как Калифорния, узкую полосу, отделенную от равнин высокими горами, этот край развивался бы медленнее. Но на восточное побережье выходили прекрасные судоходные реки, являвшие собой естественные транспортные артерии. В частности, Миссисипи и ее притоки, которые объединяли всю эту необъятную территорию. Благодаря всем этим водным путям сообщения прибрежные регионы смогли обмениваться продукцией с внутренними, как только те были исследованы. Еще одна система рек и озер, заканчивавшаяся долиной реки Святого Лаврентия, простиралась на север, на территорию сегодняшней Канады. Природное совершенство этой сети заключалось в том, что расстояние между двумя водными системами – реки

Святого Лаврентия и Миссисипи – было весьма невелико. Истоки рек одной системы располагались так близко от истоков другой, что из бассейна реки Огайо до района Великих озер можно было дойти пешком, неся лодку на плечах. Хозяин этих водных путей становился хозяином всей Америки, при условии, что он сумеет защитить свои владения.

Карта Северной Америки. Ок. 1690

4. Хотя континент заселили преимущественно европейцы, они приобрели там новые черты. Характерной особенностью обжитой Америки была подвижная граница, просуществовавшая на протяжении почти трех столетий и постепенно смещавшаяся к западу. Суровые условия жизни на этом крайнем рубеже цивилизации, освоение лесов, борьба с индейцами, необъятные просторы, необходимость взаимовыручки создали новый тип человека – пионера-первопроходца, отважного, независимого, грубого, не признающего иного неравенства, кроме неравенства в физической силе и трудолюбии. В этих условиях люди, прибывшие из очень разных мест, становились похожими друг на друга. Все они проявляли дух свободного сотрудничества, которого почти не существовало в Европе. На границе, где все были равны перед лицом опасности, зависть отступала на задний план. Первопроходцы были недостижимы для правительства, а потому привыкли к самоуправлению. Сосед был для них не соперником, а союзником. Отсюда и веселая доброжелательность, которая удивляла, да и до сих пор удивляет европейцев, привыкших к дразням между соседями. Отсюда и непринужденное отношение к свободе – явление совершенно нового порядка. В странах Старого Света свободы отводились гражданами у поставленных над ними властей; на американских же рубежах власти сами должны были завоевать право на управление индивидуумами.

II. Индейцы

1. Когда первые европейцы прибыли в Америку, они встретили там племена, достигшие различных уровней цивилизации, но принадлежавшие, казалось, одной и той же расе. Первооткрыватели называли этих туземцев индейцами, поскольку географы того времени считали, что на западном побережье Атлантического океана находится Индия. Правда, исконные жители Америки типом походили вовсе не на индийцев, а скорее на монголов: та же изжелта-смуглая кожа, те же выступающие скулы, те же прямые черные волосы. Откуда они взялись? Может эта раса быть родом с Американского континента? Маловероятно, поскольку, в отличие от Европы или Азии, там не было найдено очень древних человеческих останков. Что можно утверждать с уверенностью, так это что в ледниковый период люди в Америке уже были. Чтобы считать, что они принадлежали к местной расе, надо было бы допустить, что: *а)* скелеты всех переходных форм доисторического человека, аналогичных кроманьонцам или неандертальцам, были утрачены или еще не найдены, а это было бы удивительно, учитывая исследования, проводившиеся в пещерах и подземельях, где могли бы жить эти древние американцы; *б)* в результате независимой, но параллельной эволюции в Америке, точно так же как в Азии, чудесным образом возник человек монголоидного типа, что было бы не только невероятным, но и абсурдным. Гораздо проще думать, что индейцы выглядят как азиаты потому, что они пришли из Азии.

Г. Мюльцель. Типы индейцев Америки. 1904

2. Как? Когда? Согласно наиболее широко распространенной теории, они пришли на Аляску из Сибири, переправившись через Берингов пролив. Пролит этот имеет в ширину не более восьмидесяти километров, посередине его расположены Диомидовы острова, представляющие собой естественное убежище, а море несколько месяцев в году остается скован-

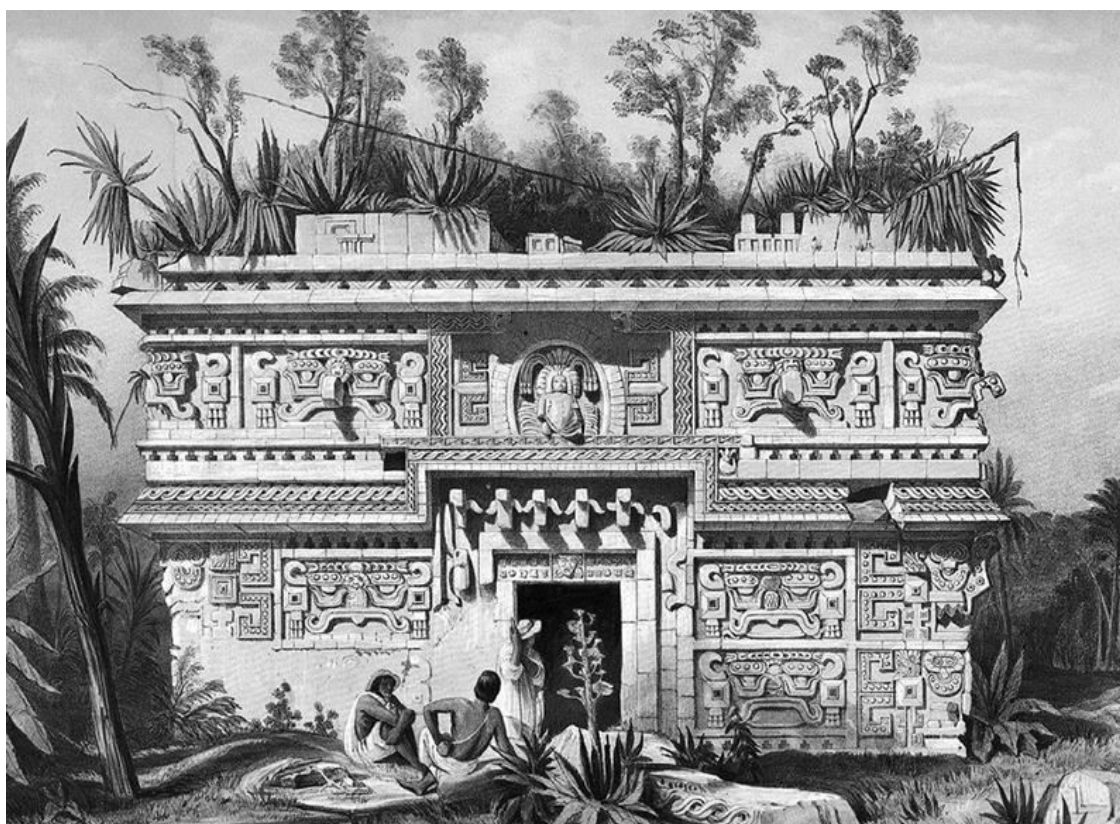
ным льдом. Таким образом, подобный переход вполне правдоподобен. Почему же эти племена отправились из Азии в Америку? Может быть, из-за изменения климата, может быть, в поисках новых пастбищ, может быть, случайно. Как бы то ни было, эта миграция произошла до окончания неолита, на самых ранних стадиях цивилизации. Ибо на момент конкисты индейцы еще не знали колеса, в то время как самым отсталым племенам Азии оно уже давно было известно. Орды переселенцев принесли с собой в Америку ткачество, крашение в некоторые цвета, стрельбу из лука, искусство добывания огня, обработки камня, гарпун, домашних собак; возможно, индейцы уже умели курить либо опиум, либо другую субстанцию, которую впоследствии, к приходу испанцев, заменили местными растениями – табаком, а южнее – кококой. В целом сходства и различия между культурами Старого и Нового Света свидетельствуют как об общности их происхождения, так и о полном разрыве, произошедшем на очень ранней, еще доисторической стадии.

3. Возможно, американские индейцы, хотя и имели общее азиатское происхождение, относились все же к разным этническим группам. Некоторые антропологи считают, что малочисленной группе полинезийцев или меланезийцев удалось достигнуть берегов Южной Америки. Этим можно было бы объяснить некоторые любопытные аналогии, существующие между искусством инков и ацтеков и древнеегипетским искусством. Можно добавить, что крайнее разнообразие языков американских индейцев и невозможность свести их к каким-либо общим корням соответствуют гипотезе о нескольких, не связанных между собой миграциях. Другие ученые, в свою очередь, утверждают, что самые дальние экспедиции маори не могли достичь берегов Америки и что отмеченные сходства объясняются либо совпадением, либо идентичностью естественных условий. Как бы то ни было, из какой бы части Азии ни пришли индейцы, можно твердо сказать, что связи эти были прерваны очень рано и что американская цивилизация на протяжении нескольких тысячелетий развивалась автономно. Она включала в себя не знавшее плуга земледелие на основе местных культур: маиса, фасоли, картофеля, маниоки, какао, табака, хлопка. В Центральной и Южной Америке индейцы строили каменные храмы и дворцы; в других регионах они жили в шалашах из древесной коры, в палатках из шкур бизонов, в деревянных жилищах или в земляных хижинах.

4. Почему так: в Мексике и Перу – блестящие цивилизации, в то время как племена Севера оставались на очень низком уровне развития? Тот же вопрос можно задать и в отношении Африки или Азии. Почему Египет стал могущественной империей с потрясающим искусством в то самое время, когда неподалеку прозябали полудикие племена? Потому что режим Нила благоприятствовал развитию сельского хозяйства, отсюда и концентрация населения в этом регионе. То же можно сказать и про Америку. Прогресс любой городской цивилизации находится в прямой зависимости от типа потребляемой пищи. Народы, живущие охотой и пастушеством, нуждаются в огромных территориях и не могут создавать устойчивых сообществ. Их жизнь слишком тяжела, чтобы производить излишки продуктов, необходимые для развития искусства и создания предметов роскоши. Да и само первобытное земледелие с трудом может подняться выше уровня выживания, для этого нужны довольно редкие условия естественного плодородия: ежегодные разливы большой реки или обильные летние дожди. Мексиканская цивилизация была цивилизацией летних дождей. На горных мексиканских плато прекрасно рос маис. Отсюда – искусство, религия и зачатки научных знаний.

5. До конкисты в Мексике, в разных ее регионах, развивались две цивилизации: на юге, на полуострове Юкатан и на прилегающих территориях, – культура майя, на севере, вокруг нынешнего Мехико, – культура ацтеков. Народы майя составляли хорошо организованное сообщество. Ими управляла знать, вооруженная луками и копьями, носившая украшения

из нефрита, бирюзы и перьев. Это было древнее, глубоко религиозное племя. Они поклонялись богу Восходящего Солнца, изобретателю письменности, богу Искусств и Мира, Прекрасному Пернатому Змею, который у их соседей-ацтеков превратился в Кецалькоатля – змея-птицу. Боги майя требовали человеческих жертв, отсюда постоянная потребность в пленных. Эти жертвы майя и ацтеки поставляли в устрашающих количествах. Когда Кортес прибыл ко двору Монтесумы, императора ацтеков, индейцы с восторгом поведали ему, что их повелитель приносит в жертву богам по меньшей мере двадцать тысяч человек в год. Майя изобрели алфавит, они умели считать, сформировали идею нуля, вели точное летоисчисление и для каждого двадцатилетия (катуна) устанавливали памятные стелы. У них была величественная архитектура, они воздвигали огромные пирамиды, на усеченных вершинах которых возвышались храмы, к ним вели гигантские лестницы. Своей суровостью и мощью скульптуры майя напоминают одновременно египетскую архаику и современное искусство.

Фредерик Кезервуд. Чичен-Ица. Храм майя (Лас-Монхас). Литография. 1844

6. Другой великий народ Мексики был более воинственным, чем майя. Ацтеки (а до них тольтеки) покорили многочисленные племена, ставшие их вассалами и платившие им дань. Ацтекская знать, свободная от податей, составляла двор правителя или императора. Власть императора передавалась по наследству его брату или ближайшему родственнику по материнской линии. Последний из ацтекских монархов Монтесума был свергнут с престола испанцами в 1520 году. Подданные считали его могущественнейшим человеком в мире и с восторгом говорили о его столице – Теночтитлане, или Мехико, – построенной на острове посреди озера, с величественным дворцом, гигантской площадью и двадцатью храмами из красного камня. Покрытые голубой штукатуркой, увитые розами здания сверкали на солнце. По благоуханному озеру плавали пятнадцать тысяч лодок. На фоне сьерры вырисовывались пирамиды храмов, по вечерам они озарялись огнями, и запах жертвоприношений поднимался вверх, к ноздрям ужасного Уицилопочтли, алчного до жертв бога войны. Ибо ацтеки любили розы, поэзию

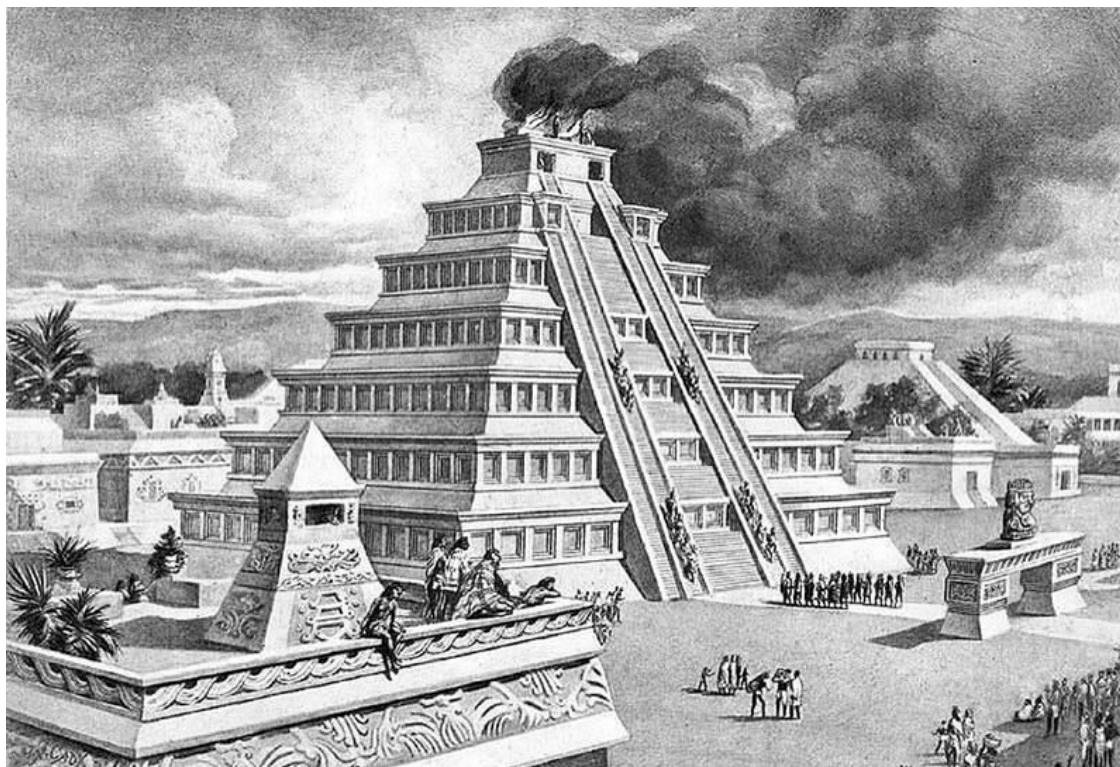
и кровь. Почему же это могущественное государство рухнуло под первым натиском европейцев? Потому что любая империя, состоящая, подобно государству ацтеков, из покоренных, враждебных друг другу народов, всегда уязвима; потому что оружие у испанцев было лучше; потому что ацтеки в сражении брали пленных, а испанцы убивали; потому что ацтеки верили легенде, согласно которой прекрасный бог Кецалькоатль, Пернатый Змей, должен был однажды вернуться на землю на большой белой птице, и, увидев белые паруса каравелл, решили, что это наконец-то произошло.

Боги ацтеков Тескатлипока и Кецалькоатль. «Кодекс Борджиа», предположительно – доколумбов период

Воины ацтеков (орлы и ягуары). Миниатюра «Флорентийского кодекса» Бернардино Саагуна. XVI век

Ацтеки. Храмовое здание в Папантле. Фотогравюра. XIX век

7. На территории нынешнего Перу процветала еще одна цивилизация – империя Верховного Инки, или Сына Солнца. Это была диктаторская, коммунистическая монархия. Из дворца, построенного на высоте в тринадцать тысяч футов неподалеку от озера Титикака, Сын Солнца правил миллионами подданных. Власть его обеспечивали дороги военного назначения, гарнизоны, наместники. Земли и стада принадлежали государству. Ремесленник мог владеть только инструментом. Крестьянин оставлял себе треть урожая, вторую треть он отдавал государству, а третью – Инке. Сельскохозяйственная продукция и продукты ремесленного производства перераспределялись чиновниками. Система была суровая, но соблюдалась четко, потому что Инка – просвещенный деспот – заботился о своем народе. Перуанцы, как и мексиканцы, знали календарь. И сегодня еще туристы могут видеть астрономическую обсерваторию – башню, с которой жрецы наблюдали за движением светил. Храмы представляли собой гигантские каменные многогранники, поражавшие своей мощью. Молитвы так походили на христианские, что позже испанские священники стали считать, будто в этих местах побывали католические святые: «О Пача Камак! Ты, кто существовал от века и кто будет существовать до конца! Ты, кто защищает нас от зла и оберегает нашу жизнь, где пребываешь ты – на небе или на земле? Услышь взывающего к тебе, даруй ему жизнь вечную и прими его жертву...» Подданные Инки создавали произведения искусства, исповедовали религию и вели весьма упорядоченную гражданскую жизнь.

8. Североамериканские индейцы, в отличие от ацтеков и инков, империй не завоевывали и не создавали. Многие из них оставались кочевниками. Обитатели центральных равнин жили почти исключительно за счет гигантских стад бизонов, миллионами населявших прерию. Индейцы питались мясом бизонов; из их шкур они шили себе мокасины, одежду, делали лодки, из сухожилий – тетивы для луков, из костей – ложки. Высушив и измельчив мясо, они получали консервы – пеммикан, который позволял им выжить в голодные времена. В силу своей глупости бизоны не представляли особой опасности, но и не поддавались одомашниванию. В качестве тягловых животных индейцы использовали собак. В некоторых местах, в частности

на юго-западе (Аризона, Нью-Мексико), племена еще в доисторические времена стали вести оседлый образ жизни и строили города – пуэбло, – напоминавшие сахарские ксары. Пуэбло представляло собой гигантское ступенчатое строение, состоявшее из построенных одна на другой каменных лачуг, которые проветривались через крышу. Индейцы, жившие в пуэбло, возделывали маис, с успехом занимались орошением земель и одомашнили индюков; в каждой деревне имелось стадо этих птиц. До эпохи пуэбло в этих краях существовала другая цивилизация – плетельщиков корзин, при которой искусство плетения достигло высокого уровня развития. При помощи красителей, добывавшихся их корней красного дерева и других древесных пород, корзинщики окрашивали полосы ивовой или шелковичной коры в черный, красный или желтый цвет и плели из них миски, сандалии, сумки, блюда, украшенные геометрическим орнаментом исключительной красоты. Почти все индейцы знали табак; одни курили его, другие жевали или нюхали. В некоторых племенах для курения использовались каменные или глиняные трубки, в других измельченный табак набивали в каменные цилиндрики – прообраз сегодняшних сигарет.

Так называемая пластина (солнце) Эченике (Sol de Echenique). Перу. Ок. V века

Инки. Ритуальный золотой нож с изображением бога Туми. Перу. Культура чиму

Плетеная миска. Культура плетельщиков корзин. V–VIII века

9. Общественная жизнь североамериканских индейцев была проста. Племена управлялись либо вождем – сахемом, либо советом старейшин. Иногда, как у ирокезов, несколько «народов» образовывали конфедерацию, управлявшуюся Великим советом из пятидесяти сахемов и двумя постоянными вождями. У индейцев-дакота семь племен поклялись никогда не воевать друг с другом, да и само слово «дакота» означает «те, кто нам друзья». Среди индейцев центральных равнин во многих племенах были образованы сообщества «лис» и «солдат» – нечто вроде современного Ротари-клуба. У индейцев Рио-Гранде племена до сих пор делятся на «красных» и «белых», на которых возлагаются разные общественные и религиозные обязанности. Шаманы (или знахари) исполняли две главные функции: лечить больных и призывать дождь. Индейцы любили церемонии, пляски, долгие беседы. Они обладали достоинством, мужеством, стойко вели себя перед лицом смерти. Они были щедры, среди племен Северо-Запада бытовал обычай под названием «потлач» – традиционная церемония, все участники которой получали ценные подарки. По отношению к пленным врагам жестокость была в порядке вещей. Их пытали, сжигали, иногда съедали. Обычай скальпировать врага – срезать у него с головы кожу с волосами – в доколумбовы времена не имел широкого распространения. Индейцы прерий с большим удовольствием отрезали голову целиком. Однако замена одного обычая на другой поощрялась европейскими колониальными властями, которые даже выплачивали «премии за скальп». Скальпы были легче, чем отрезанные головы, их проще было транспортировать, ими удобнее было украшать одежду или вигвамы. Для этой операции, которая не обязательно заканчивалась смертью, на коже черепа делался круговой надрез, после чего производился сильный рывок за волосы жертвы.

Джордж Кэтлин. Вождь племени мандан и его семья. 1854

10. Влияние индейской цивилизации на североамериканскую быстро ослабло. Однако европейские поселенцы научились у индейцев возделыванию местных растений и новому типу жизни – лесному. Они переняли блюда индейской кухни, некоторые элементы одежды, а также слова, их обозначающие. Хомини, суккоташ, тапиока, пеммикан вошли в кулинарный словарь Америки; мокасины, тобоган, томагавк, вигвам, сахем, каноэ – индейские слова, заимствованные американцами. Многие из привычных образов являются переводом индейских выражений: «тропа войны», «бледнолицые», «Большой Белый Отец», «Отец Вод» (Миссисипи), «счастливые охотничьи угодья» (рай), «трубка мира». Сейчас они употребляются с иронией, в шутку, но были времена, когда они звучали очень поэтично. С другой стороны, первопроходцы, пришедшие на континент, руководствовались взаимоотношениями с индейцами. Сеть европейской цивилизации наложилась на сеть цивилизации индейской. Тропы, протоптанные в первобытном лесу стадами бизонов, стали индейскими охотничьими тропами; а когда по ним прошли первые коммерсанты, тропы превратились в дороги, которые позже были продублированы железнодорожными путями. На месте индейской деревни появилась фактория, а на ее месте – форт, который потом станет городом. Так было с Олбани, Питтсбургом, Детройтом, Чикаго, Сент-Луисом и Канзас-Сити. Множество названий американских городов, рек, штатов (Саратога, Саскуэханна, Аризона) были придуманы индейцами, и красота их странного звучания до сих пор сохранила свою экзотическую притягательность. И наконец, индейцы способствовали сплочению первопроходцев. На протяжении долгого времени индейцы оставались их полумифическим, но однако реальным врагом, чье опасное присутствие уберегло белых американцев от взаимной ненависти, которую питали друг к другу белые европейцы.

Джордж Кэтлин. Большой Лось. Знаменитый воин племени омаха. 1832

Керамический сосуд. Индейцы пуэбло. XIX век

III. Испанцы в Америке

1. «Европейцы не открывали Америки; они на нее наткнулись». Она преградила им путь на Восток. С тех самых пор, как на Западе появилась цивилизация, он испытывал тягу к Востоку и потребность в нем. Римляне страстно желали восточных драгоценностей, благовоний, красителей для тканей. Средневековью нужны были золото, ткани (атлас, газ), целебные снадобья и главным образом – пряности. Нам трудно представить себе, какое значение имели гвоздика, корица, перец во времена наполовину протухшего мяса. Монарх преподносил мешок перца в дар другому монарху. Венецианцы покупали его по несколько партий в год у султана Египта, который сам импортировал его из Малабара. Другие пряности привозили с Молуккских островов, на вулканической почве которых прожаривались эти жгучие продукты. Драгоценные камни доставлялись из Индии и с Цейлона, снадобья и благовония – с Суматры и Борнео, шелка – из Китая. По всей Азии сновали караваны, направлявшиеся то в Малакку, где арабские купцы закупали товары для Александрии, то к Персидскому заливу, то в Самарканд и Бухару через монгольские степи и империю Великих Моголов. Европейцы вели войны за богатства Востока, но его география оставалась для них тайной. Они только знали от путешественников и миссионеров, что где-то далеко-далеко находится Катай (Китай), Сипанго (Япония) с розовыми жемчугами и Индия – страна сказочных богатств, усеянная золотом, бриллиантами, рубинами и сапфирами.

2. Вплоть до XV века вся торговля с Востоком находилась в руках итальянцев из Пизы, Венеции и Генуи, испанцев из Барселоны и Валенсии и провансальцев из Марселя. Затем начались Крестовые походы, выдвигание турок, потеря итальянскими городами морского могущества. Воды Средиземного моря становились ненадежными. Распространенная арабами мысль Птолемея о том, что Земля круглая, естественным образом привела к идее добраться до Индии и Китая через запад, морскими путями, свободными от неверных. Навигационные приборы становились все совершеннее, а западные пути не были абсолютно неизвестными. Еще римляне побывали на Канарах. Португальцы заняли Азорские острова и мечтали попасть в Индию, обогнув Африку. На севере, дальше туманного острова Туле, скандинавские мореходы, о которых повествуют саги, достигли Исландии, а также земли, названной ими Гренландией – Зеленой землей (хотя никакой зелени на ней не было), в надежде, что такое приятное название привлечет поселенцев. Дальше этого знания географов не распространялись, оставались одни догадки. Говорили, что кто-то из мореплавателей открыл Антильские острова, за которыми и должны были находиться Катай, Сипанго и Индия. Во всем этом таилась дивная загадка и обещание чудесного вознаграждения тому, кто ее разгадает. Что еще нужно, чтобы завлечь храбрецов, романтиков, жадных до славы искателей приключений?

3. В XV веке такие отчаянные головы водились по всей Европе, но в то время, как Франция и Англия еще барахтались во внутренних усобицах, Испания с Португалией уже обрели стабильность и укрепили монархию. Португальский инфант Генрих всячески поддерживал своих мореплавателей, снабжая их лучшими картами и приборами, и создавал на западном и восточном побережье Африки португальские колонии, которым предстояло стать промежуточными портами на пути в Индию. Что касается Испании, то бракосочетание Фердинанда и Изабеллы в 1469 году привело к объединению Кастилии и Арагона и заложило основы Испании современной. Испанский феодализм поглотила централизованная монархия; длительная борьба против мавров укрепила позиции католической церкви. Каркас государства выглядел прочным. Моряки Каталонии обрели союзников в лице прекрасных кастильских пехотинцев. Где же им было применить свои силы? В Европе заканчивалась Реконкиста Королевства Гра-

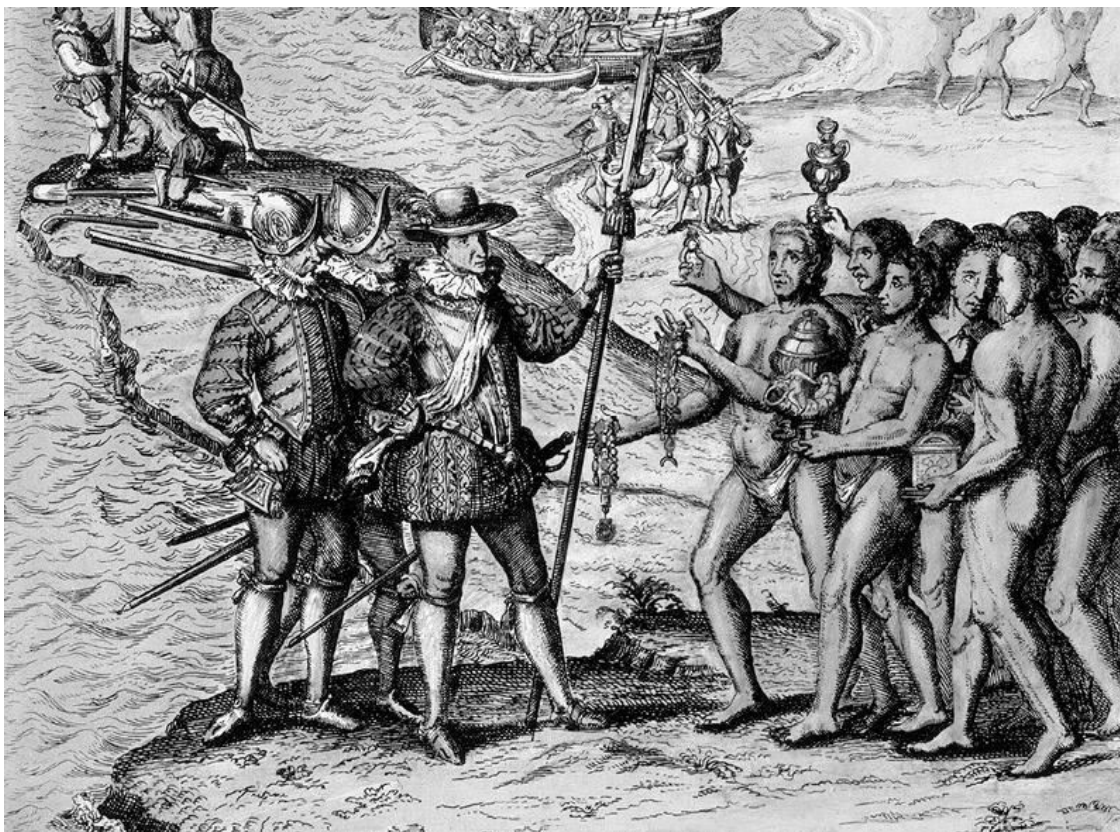
нада, которая вот-вот должна была урегулировать мавританский вопрос. Почему бы не обратить взоры на Запад и не продолжить христианизацию планеты там? Испанцы отправлялись в странствия не только за пряностями, но и за новообращенными душами.

4. Генуэзец Христофор Колумб, сын ткача, сам начинавший как ткач, обучался космографии и любил море. Он стал мореплавателем. Для этого у него были воля, рвение, немало тщеславия и богатое воображение. Обосновавшись после нескольких морских экспедиций в Португалии, он предложил королю предпринять путешествие в Индию через запад. Но португальский король был полностью поглощен своим африканским проектом. Колумбу пришлось обратиться к королям Испании. Фердинанд и Изабелла долго держали его в подвешенном состоянии, отсылая от одной инстанции к другой. Колумб требовал себе звание адмирала, должность вице-короля всех вновь открытых земель и десятую часть найденных там богатств. Чиновники педантично торговались с ним по поводу этого гипотетического состояния. В конце концов он одержал верх, и в порту Палос началось оснащение трех предоставленных ему каравелл. Это были три легких судна «Санта-Мария», «Пинта» и «Нинья» водоизмещением, соответственно, в сто, пятьдесят и сорок тонн. Третьего августа 1492 года «адмирал» покинул Испанию вместе со своим экипажем численностью в восемьдесят восемь человек, среди которых – символическая деталь – были итальянцы, испанцы, один англичанин и один еврей. Относительно легкое путешествие продлилось пять недель. К концу этого срока экипаж начал проявлять нетерпение и, обеспокоенный тем, что суда все дальше уходят от земли, требовать лечь на обратный курс. Колумб подбадривал моряков, расписывал им будущие выгоды, скрывая при этом, сколько пройдено миль, и в результате ему удалось их успокоить. Одиннадцатого октября люди с «Пинты» заметили на море тростники и траву. Адмирал объявил, что первый, кто увидит землю, получит обещанный королем и королевой приз в десять тысяч мараведи и шелковый костюм в придачу. Двенадцатого октября появился берег, который Колумб назвал Сан-Сальвадор. Трава на нем была мягкой, «как в Андалусии в апреле». Экипаж хором запел «Слава в вышних Господу». Колумб считал, что он в Индии; на самом деле он открыл один из Багамских островов.

5. Удивительное зрелище привлекло туземцев, которые стали приближаться к кораблям, кто вплавь, кто на лодках, выдолбленных из целого ствола. Они были голыми, безоружными и не проявляли никакого недоверия или враждебности. Колумба удивило, что кожа у них была не белая и не черная. Когда они поднялись на борт, он показал им мечи. Они схватили их прямо за лезвие и порезались. В обмен на провизию Колумб дал им стеклянных бус и колокольчиков. «Я убежден, – писал он, – что они с легкостью обратятся в христианство». Однако он не остался, чтобы самому обратить их. Продолжив свой путь, он открыл Кубу и Гаити (Эспаньолу), приняв их по очереди за Сипанго. Повсюду он искал ответов на три вопроса: «Есть ли тут золото? Есть ли тут пряности? Какова в этой стране вера?» По последнему пункту он быстро успокоился. Похоже, еретики не успели завладеть душами этих дикарей. Что касается драгоценных металлов, каждое племя предлагало отвести его к сокровищам соседей. Колумб привез из путешествия попугаев, индейцев с луками и копьями и золотые украшения. Он рассказал королю, что добрался до Сипанго и видел сирен. Его приняли как триумфатора, возвели в ранг «адмирала моря-океана», назначили вице-королем Индии. Это была вершина его карьеры. После этого он совершил еще три плавания, в ходе которых открыл Пуэрто-Рико, Ямайку и, наконец, Южную Америку. Каждый раз, приставая к берегам нового острова, он думал, что нашел континент; когда же в конце концов он высадился на континенте, неподалеку от устья Ориноко, то счел, что достиг земного рая. Пока он исследовал свои владения, привезенные им переселенцы взбунтовались против него и его братьев. В Испанию адмирал вернулся в трюме, с кандалами на ногах. Эти кандалы он впоследствии повесил у себя в каби-

нете как символ людской неблагодарности. Вызволившие его из рук врагов Фердинанд и Изабелла пренебрегали им, а потом и вовсе позабыли о его существовании, и в 1506 году он умер в Вальядолиде в полной нищете. «Плачьте обо мне, – писал он, – все, кому дороги милосердие, истина и справедливость».

6. Первооткрыватель не получил даже законной награды в виде права дать свое имя открытым им землям. Сразу после него туда устремились моряки, военные, искатели приключений. Все они искали золото, жемчуг и пути в Индию. В 1493 году папа Александр VI, «узнав, что наш возлюбленный сын Христофорус Колонус (sic), отправившись на поиски неизведанных земель, обнаружил народы, которые веруют в Бога и могут быть приведены к католической вере, решил для укрепления и распространения этой веры», а также дабы исключить любую опасность столкновения между двумя католическими державами заранее поделить новые миры между Испанией и Португалией. Он провел на глобусе линию от Северного полярного круга до Южного, проходившую в трехстах семидесяти милях к западу от Кабо-Верде, и отдал Португалии все земли, которые будут открыты к востоку от этой линии, а Испании – все земли, расположенные к западу. «Мы же, волей Господа Всемогушего, данной нам в лице святого Петра, отдаем вам эти земли с их владениями, городами, замками, башнями, площадями и селениями». Из этой буллы папы Александра Борджиа становится ясно, почему сегодня в Бразилии говорят по-португальски, а в Аргентине – по-испански. Между тем каравеллы и галеоны пересекали Атлантику. Это было тяжелое плавание: от пяти до восьми недель в зависимости от времени года. Два месяца на неудобном, грязном судне, два месяца питаться вонючей едой, пить теплую мутную воду, бороться с насекомыми и крысами – как это долго... Но надежды путешественников были безграничны. «Наемники и капитаны отправлялись в путь, опьяненные неодолимой героической мечтой». В их сердцах мешались католическая вера, кастильская гордость, непомерное честолюбие. Когда долгожданная земля появилась наконец на горизонте, они падали на колени и пели хвалу Господу. В одной из экспедиций в 1499 году принял участие флорентиец Америго Веспуччи, написавший по возвращении письмо под названием «Mondus Novus», ставшее известным во всей Европе. Оно было воспроизведено в книге «Cosmographiae Introductio», автор которой, профессор из Сен-Дье Мартин Вальдземюллер, первым предложил назвать Америкой континент, открытый Америго: «А поскольку четвертая часть света была открыта Америкусом, ее можно было бы назвать Америкой, или Землей Америкуса, или Америкой, поскольку и Европа, и Азия носят женские имена». Это название прижилось, хотя в Испании Америку еще долго называли Индией.

Высадка Колумба на острове Эспаньола в 1492 году. Гравюра из «Общей истории деяний кастильцев» Антонио де Эррера-и-Тордесильяса. Мадрид, 1601

Портрет Америго Веспуччи. Гравюра из книги «Новый и неизвестный мир, или Описание Америки» Арнольдуса Монтануса. Амстердам, 1671

Портрет Колумба. Гравюра из книги «Новый и неизвестный мир, или Описание Америки» Арнольдуса Монтануса. Амстердам, 1671

7. Вслед за первооткрывателями на новый континент отправились завоеватели – конкистадоры, на долю которых выпали необычайные приключения. Какой-нибудь испанский

офицер с горсткой солдат неожиданно наталкивался на целую империю, подобную Халдее или Египту, и чудом захватывал ее. Все способствовало победе: и наивность туземцев, веривших, что к ним прибыли боги, и лошади испанцев, которые казались индейцам страшными чудовищами, и доверчивость кациков – вождей, отдававших своих дочерей конкистадорам в жены. Первым поселенцам повстречались довольно дикие племена, но Бальбоа, который занял Дарьенский (Панамский) перешеек и первым в 1513 году увидел с вершины горы Тихий океан, услышал от индейцев рассказы о сказочно богатой стране, о дворцах, ломящихся от золота, и об Инке, Сыне Солнца, в усыпанных драгоценными камнями одеждах. В 1519 году Кортес в Мексике открыл империю ацтеков, которой правил в ту пору Монтесума, «тот, кто является владыкой». У Кортеса вначале было пятьсот пятьдесят человек и шестнадцать лошадей. Выиграв на побережье первую битву с индейцами, он получил в качестве дани шлем, наполненный золотым песком, ткани из хлопка небесно-голубого цвета с золотым кантом и двадцать прекрасных девушек. Одна из них, Марина, стала его помощницей, переводчицей и любовницей. Вскоре Кортесу довелось увидеть столицу Монтесумы на берегу горного озера, пирамиды храмов, озаренные жертвенными огнями, серебряные дворцы и уборы из сверкающих перьев, украшенные бриллиантами и жемчугами. Ослепленный этим великолепием, он решил завладеть империей ацтеков. Предприятие это казалось чистым безумием. Он знал, что в случае неудачи его сердце будет вырвано жрецом из груди и преподнесено в дар богу войны. Но у Монтесумы появление Кортеса породило множество вопросов. Кто он, этот чужестранец? Бог? А паруса каравелл – что это? Уж не белые ли крылья священной птицы? Полный сомнений, Монтесума принял Кортеса и его спутников с высшими почестями, украсил их гирляндами роз и поселил у себя во дворце. Там Кортес и его люди схватили несчастного государя, великого жреца, павшего жертвой собственной веры, сделали его своим пленником, заковали в цепи и заставили исполнять свою волю. Тем временем ацтеки, убив первого испанца, коснувшись его плоти и увидев его кровь, перестали верить в божественное происхождение Кортеса и в неуязвимость его спутников. В июне 1520 года дворец был взят штурмом, Монтесума убит, а испанцы обращены в бегство. Но неукротимый Кортес с девятью сотнями испанцев и индейцами других племен, врагами ацтеков, осадил Мехико (Теночтитлан) и, несмотря на отчаянное сопротивление ацтеков, захватил его. Он подарил своему королю империю и неисчислимые сокровища, богаче сокровищ Аладдина.

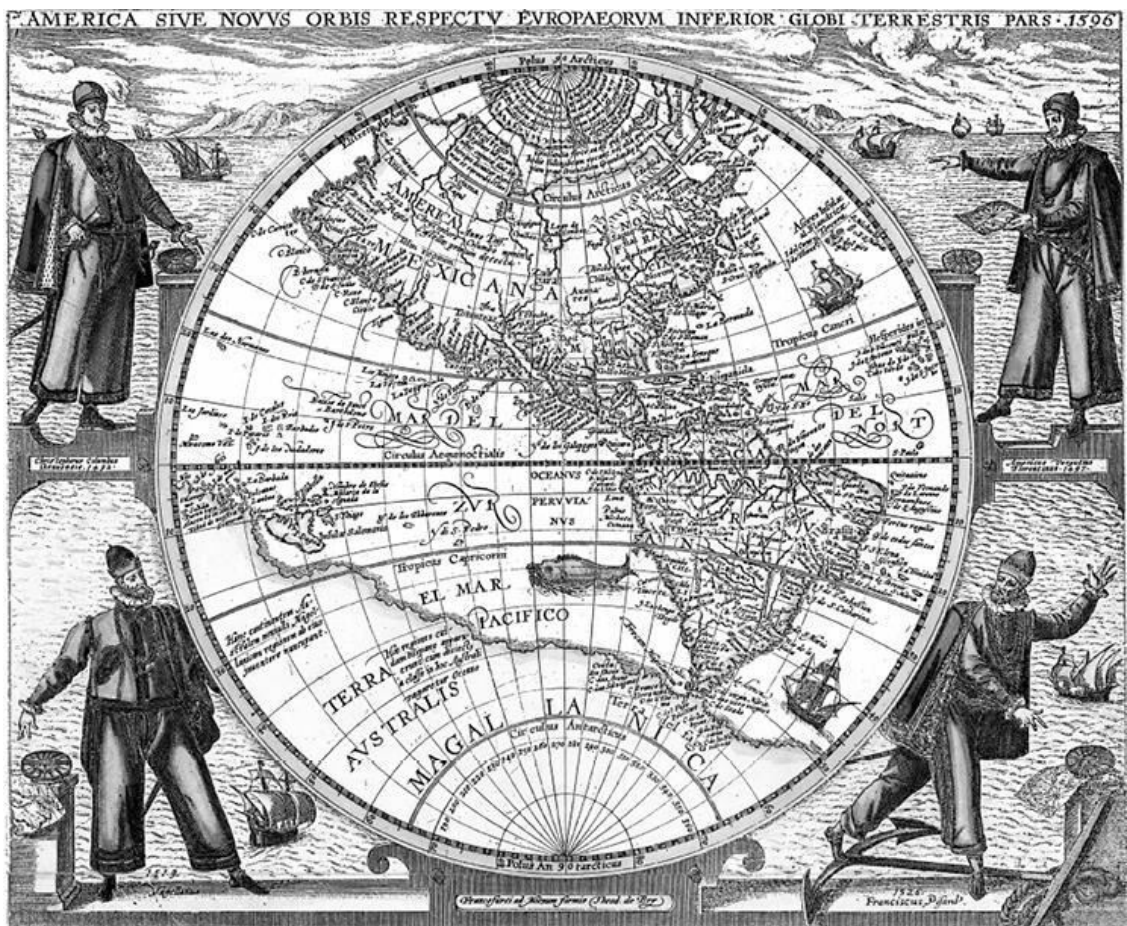

Портрет Эрнана Кортеса. Из серии «Портреты и жизнеописания знаменитых капитанов» итальянского гравера Алиприандо Каприоли. Конец XVI века

8. Солдат Бальбоа Франсиско Писарро не мог забыть рассказов индейцев об инках. Однако без армии атаковать великую коммунистическую горную империю было невозможно. Писарро решил отправиться к Карлу V и описать в красках колоссальную добычу, которая сама шла в руки. Король дал ему всего лишь сто восемьдесят человек и тридцать лошадей. Позже к нему присоединился Эрнандо де Сото, пришедший из Никарагуа с сотней солдат и полусотней лошадей. Этого было бы слишком мало для победы, но на помощь им пришла разыгравшаяся во дворце драма. Царствующий Инка Атауальпа был сыном наложницы своего отца, а законного Инку Уаскара сводный брат держал в заточении. Это давало испанцам определенное пространство для маневра. Кроме того, Атауальпа, точно так же как до него Монтезума, не был уверен, что испанец – не бог. Что касается Писарро, то его преследовала навязчивая идея, в подражание Кортесу захватить Инку. Что ему удалось при самой первой встрече: Сын Солнца был так бесстрашен, что явился в окружении жрецов, а не воинов. Оказавшись в плену, Атауальпа предложил Писарро выкупить свою свободу, наполнив зал, где его держали в заточении, с высотой потолка около девяти футов. Писарро сделал вид, что согласен. Разосланные по храмам и дворцам Перу гонцы везли оттуда сосуды, чаши, сундуки с золотом и серебром. Сверкающее море прибывало у ног ослепленных испанцев. Зал наполнился золотом. Вот они – сказочные сокровища. Атауальпа сдержал слово. Что с ним было теперь делать? Писарро счел, что он слишком опасен, и его удавили, а Перу стало испанским владением.

Эмануэль Лойце. Штурм Теокали конкистадорами Кортеса. 1848

Теодор де Бри. Карта Америки. 1596

9. Эрнандо де Сото пришел в Северную Америку одним из первых. Назначенный «аделантадо» (губернатором) Флориды, он надеялся найти там второе Перу. Увы! За три года он исходил всю Флориду, поднялся до Миссури и не обнаружил ничего, кроме болот, лесов и нищих индейцев, охотников и пастухов, удивлявшихся пустой, суетной алчности белых пришельцев. Всех он расспрашивал о золоте, и все отвечали ему: «Дальше!» Он шел, шел дальше, вдоль Миссисипи, и умер, наконец, на берегу этой великой реки, которой суждено было стать однажды носительницей богатств гораздо больших, чем те, о которых так страстно мечтал Эрнандо де Сото. Стремясь скрыть от индейцев смерть своего предводителя, спутники Эрнандо бросили его тело ночью в пучину «Отца Вод». После чего они построили флотилию, спустились вниз по Миссисипи и таким образом вернулись на уже обжитые земли. Тем временем другой испанец, Коронадо, отправился на поиски «семи городов с воротами, украшенными бирюзой», о которых рассказывали ему индейцы, большие мастера на сказки. Семи городов он не нашел, зато обнаружил Калифорнию, которую не искал, и тихоокеанское побережье. Гораздо позже, когда возникла угроза прихода на это побережье русских, его заняли испанские войска. Формальное право на захват Калифорнии дала именно та экспедиция Коронадо. В XVII и XVIII веках испанцы прочно утвердились в регионах, населенных индейцами, жившими в пуэбло, и назвали его Новой Мексикой, потому что их строения напоминали – весьма отдаленно – памятники ацтеков.

Теодор де Бри. Испанские конкистадоры обращают в рабство индейцев. Из книги Бартоломе де лас Касаса «Кратчайшая реляция о разрушении Индий». 1522

10. Свои гигантские американские владения Испания расценивала не как колонии, а как провинции. Два королевства – Новая Испания и Перу – имели каждое своего вице-короля. Управление осуществлялось из Испании, хотя индейцам была предоставлена некоторая самостоятельность. Задача по их ассимиляции была возложена на церковь. Иезуиты, доминиканцы

и францисканцы основали на границах колонии свои миссии – полуфермы-полумонастыри. В этих изящных строениях в испанском стиле местное население, привлекаемое подарками, обучалось основам истинной веры, а также искусству строительства, возделыванию земли по-европейски, разведению домашнего скота, изготовлению разных полезных вещей. Индейцы рады были освобождению от своих жутких богов и человеческих жертвоприношений и охотно принимали новую веру, но, и становясь христианами, продолжали бояться Уицилопочтли, культ которого в виде странных практик сохранился до наших дней. Когда миссия успешно справлялась с возложенной на нее задачей, она превращалась в сельскохозяйственное поселение, становилась индейским пуэбло, а монахи отправлялись дальше. Таким образом, граница постепенно перемещалась на запад, при этом абсолютно мирным путем; индейцы забывали родной язык, а инквизиции становилось все труднее находить среди них еретиков.

11. Конечно, индейцы часто эксплуатировались испанскими землевладельцами, которые накладывали на них множество ограничений. Им не разрешалось иметь огнестрельное оружие, ездить верхом, но поскольку испанцев было все же немного, поскольку в Южной Америке они столкнулись с высокоразвитыми цивилизациями, поскольку многие из них взяли в жены индианок, а также поскольку они верили в свою христианскую миссию, то с местным населением обращались довольно мягко. Самое удивительное в испанской и португальской империях – это то, что столь великая цивилизация была создана столь малым числом людей. В конце XVI века во всей Америке насчитывалось не более шестидесяти тысяч испанских семей, и только в десятой части этих семей жены были испанками. Четыре тысячи из этих семей составляли землевладельческую аристократию. Это они создали страну и управляли примерно пятью миллионами индейцев. Меньше чем за столетие они внедрили в Америке такие культуры, как пшеница, рожь, ячмень, все европейские фруктовые культуры, домашнее животноводство. Уже в 1550 году скота было так много, что люди не знали, что с ним делать. Лошади и свиньи возвращались в дикое состояние. Испанцы завезли в Калифорнию апельсиновые, абрикосовые деревья, смоковницу, оливу, что было ценнее, чем все золото и жемчуг, которые они оттуда вывозили.

12. Для самой Испании последствия этого завоевания оказались пагубными: получая из Америки несметные богатства, испанские монархи перестали нуждаться в поддержке собственного народа, что позволило им установить опасный абсолютизм. Между аристократией и простым народом не существовало никакой прослойки в виде среднего класса. Однако благодаря конкистадорам испанская цивилизация распространилась на новые страны, что и сегодня способствует ее престижу. Даже в Северной Америке сохранилось множество испанских реалий. В Калифорнии, в Нью-Мексико, в Аризоне, во Флориде, в Техасе до сих пор встречаются миссии, пресидио (форты), ранчо, построенные в испанско-мавританском стиле, с внутренними галереями, звонницами, выбеленными известью стенами и красными черепичными крышами. С определенным образом жизни и местами, когда-то принадлежавшими Испании, связан целый лексикон. «Лассо», «кораль», «сьерра», «пуэбло», «сомбреро» стали американскими словами. Да и сегодня у богатого калифорнийца имеется свое ранчо, а бедный калифорниец ест тортилью. Сан-Франциско окружен множеством католических монастырей. А в некоторых из лучших американских романов нашего времени («Смерть приходит за архиепископом» Уиллы Кэсер, «Мост короля Людовика Святого» Торнтон Уайлдера) описывается старое испано-американское общество. Неизъяснимое обаяние, очарование старой культуры, инстинктивное благородство манер, характерные для штатов, некогда бывших испанскими владениями, напоминают о временах кабальерос и миссионеров.

IV. Англичане в Америке

1. В то время, когда папа Александр VI столь щедро поделил неведомые земли между Испанией и Португалией, про Англию никто даже не вспомнил. В этом упущении не было ничего удивительного. Что такое была Англия в ту пору? Маленькое королевство, не имевшее никакой власти на море, раздираемое политическими и религиозными распрями. Однако уже во времена Христофора Колумба ее король, Генрих VII, строил флот, вооружался и покровительствовал отважным купцам. Генрих VII дал денег на экспедицию Джона Кэбота, который, следуя примеру испанцев, хотел поискать на Западе пути к пряностям. Вместо перца и Индии Кэбот нашел ньюфаундлендскую треску и побережье Лабрадора, но наследники Генриха VII остались верны его мореходной программе. Осознавая мало-помалу свою силу, английские купцы в конце концов устали соблюдать договор, которого не подписывали и который не допускал их к богатейшим регионам мира. Королеве Елизавете, конечно, приходилось поддерживать дружбу со своим родственником – испанским королем, но зачем ей было мешать отважным мореходам вести маленькие частные войны и лишать их верной добычи?

2. Один из таких мореходов, Фрэнсис Дрейк, преспокойно совершил набег на испанские порты, высадился на Дарьенском перешейке, напал на караван из мулов, перевозивших перуанское золото, и доставил в Англию целое сокровище. В другой раз он захватил головную галеру, груженную золотом, и выплатил своим акционерам, среди которых была и королева, сказочные дивиденды. Испанцы жаловались, но англичане, крайне враждебно настроенные против папистов, были не из тех, кто идет на уступки. Оливер Кромвель скажет позже: «Испанец стал нашим врагом не волей случая, а волей Провидения». Английский хроникер Ричард Хаклит изучил способы досадить испанцам строительством фортов между Флоридой и островом Кейп-Бретон; одну главу в своем труде он назвал так: «Как заставить короля Филиппа спуститься с пьедестала и уравнивать его с государями сопредельных стран». Одному из фаворитов королевы Елизаветы, сэру Уолтеру Рэли, и его единоутробному брату сэру Хемфри Гилберту пришла в голову мысль основать в Северной Америке колонию. Гилберт получил хартию, согласно которой ему поручалось искать «языческие, варварские страны, не ставшие еще владениями других государей». В 1585 году Рэли снарядил экспедицию, высадившуюся на небольшой остров неподалеку от побережья нынешней Северной Каролины. Свою колонию он назвал в честь королевы-девы Виргинией и после двух-трех рейсов оставил на острове Роанок небольшую группу англичан – девяносто мужчин и семнадцать женщин. Когда через два года на Роанок прибыл очередной корабль с провизией, на острове не осталось и следа колонии. Так никто никогда и не узнал, что стало с теми несчастными. Однако уже в 1602 году Рэли уверял, что настанет такой день, когда в Виргинии поселятся англичане.

3. После разгрома Армады миф о непобедимости испанцев рухнул. Причин уважать их монополию на Новый Свет не осталось. Однако захват их владений был бы слишком серьезным предприятием; проще было занять те места, куда они еще не добрались. Виргиния снова вошла в моду. В 1600 году вышли в свет «Путешествия» Хаклита. В 1605-м в Лондоне сыграли комедию «Эй, к востоку!», где Северная Америка описывалась как новое Эльдorado. При таком благоприятном климате лондонским купцам не составляло никакого труда создавать компании с целью колонизации новых земель. Галеры испанского короля, груженные чистым золотом, служили хорошей приманкой. Уже в 1606 году были образованы две компании, Лондонская и Плимутская. Однако выжила только первая из них. Ею должен был управлять Виргинский совет, работавший в Лондоне под надзором самого короля, у которого было право учинять свои правила. Таким образом, оставаясь частным предприятием, компания положила начало целой

империи. На Рождество 1606 года три принадлежавших ей судна, «Годспид», «Сьюзан Констант» и «Дискавери», покинули лондонский порт со ста сорока тремя колонистами на борту. Компания вручила эмигрантам запечатанную коробку, которую они должны были открыть только в Виргинии. В коробке заключались имена семерых из них – тех, кому предстояло сформировать Совет колонии и избрать президента. О свободном управлении не было и речи. Хартия принадлежала компании, а не колонистам. Впрочем, у эмигрантов было весьма смутное представление о том, что их ждет. Они думали, что Виргиния такая же узкая, как Центральная Америка, и рассчитывали пройти ее насквозь, чтобы достичь истинной цели своего путешествия и попасть сначала в Китай, а потом и в Индию. Они мечтали повстречать какого-нибудь Монтесуму или Верховного Инку, найти сказочное королевство. Когда же 2 апреля они вошли наконец в Чесапикский залив, то увидели берег, поросший кедрами и кипарисами, девственные леса и синих птиц с алыми крыльями. Тайнственная коробка была вскрыта, и совет учрежден. Он постановил подняться вверх по течению реки, которой дали имя Джеймс в честь короля Якова, и создать первое поселение в тридцати милях от побережья, во избежание неожиданностей со стороны испанцев.

Встреча первых поселенцев с индейцами. Литография. XIX век

4. Президентом, избранным советом Джеймстауна, стал Эдвард Вингфилд, однако самым выдающимся членом маленькой колонии был молодой человек хорошего рода, с шестнадцати лет отправившийся на поиски приключений, – капитан Джон Смит. Красивое лицо, обожженное солнцем, черная бородка клинышком – Джон Смит был типичным представителем элизаветинской знати. Некоторые из колонистов ненавидели его, завидовали, но шла ли речь об усмирении туземцев или о получении от них провизии, все всегда обращались к нему. Индейцы сначала встретили флотилию тучей стрел, но потом приручились и стали обменивать маис на бусы и топоры. Нрав у них был изменчивый. Иногда они являлись в Джеймстаун как друзья, принимали подарки, сами делали подношения, а дочь вождя, тринадцатилет-

няя индианочка Покахонтас, абсолютно голая, крутила на потеху англичанам сальто-мортале; но иногда они размахивали томагавками, и в таких случаях приходилось палить из корабельных орудий, чтобы от них отделаться. Однако у флотилии были и другие задачи. Капитан Ньюпорт вскоре взял обратный курс на Англию, и колонисты остались одни.

5. Джеймстаун был жалкой деревней, состоявшей из хижин, расположенных на краю болота; комары и стоячая вода способствовали распространению малярии. В первую зиму половина колонистов умерли. Сам Джон Смит, по его собственным рассказам, чуть не был убит индейским «королем» Поухатаном. Смита уже привязали к столбу пыток, но тут малышка Покахонтас бросилась к нему и закрыла его своим телом. Этот полный драматизма эпизод заметно повысил престиж Смита; недоброжелатели говорили, что он его выдумал. В самом деле, он был одинаково способен и пережить такое, и сочинить. В колонии все умирали от голода и дрались за съестное. Индейцы устали поставлять маис. И опять в этот тяжелый первый год колонию спас Джон Смит, сформулировав жесткое, но необходимое требование. «Кто не работает, – сказал он, – тот есть больше не будет». Ньюпорт с провизией вернулся очень вовремя, а то беды было бы не миновать. Он привез также нарекания от Лондонской компании. Где золото? Где драгоценные камни? Где проход к Китаю? Какие выгодные грузы намеревалась Виргиния отправлять в метрополию? Несчастные колонисты не знали, что и ответить. Правда, леса было хоть отбавляй, а Англия нуждалась в древесине. Они стали рубить и отправлять лес. Компания снова обратилась к общественности, получила средства, и прибытие в 1609 году целого судна с женщинами, крепкими английскими служанками, вселило в мужчин бодрость. Однако зима 1609/10 года была ужасной. Колонисты снова чуть не погибли от голода. Почему? Разве они не могли охотиться, ловить рыбу? По правде говоря, они были так больны, что у них попросту не было на это сил. «Сети у нас порваны, олени исчезли, свиньи перебиты, торговля с индейцами прекратилась, кое-кто из наших людей сбежал, другие убиты, и почти все ослаблены употреблением гнилой воды из реки Джеймс» – таков был итог. Единственным активным видом деятельности на плантации оставалось ремесло могильщика. Весной 1610 года шесть десятков выживших колонистов, доведенных до состояния скелетов, собрались покинуть колонию и вернуться в Англию, но тут появилась новая флотилия. Лорд де ла Варр, которого компания назначила местным губернатором, привез с собой провизию, орудия труда, лекарства. Колония была спасена.

Покахонтас спасает капитана Смита от неминуемой смерти. Гравюра из «Общей истории Виргинии, Новой Англии и островов Сомерса» Джона Смита. Лондон, 1624

Нападение индейцев в 1622 году на английских колонистов в Джеймстауне (Виргиния).
Гравюра. 1655

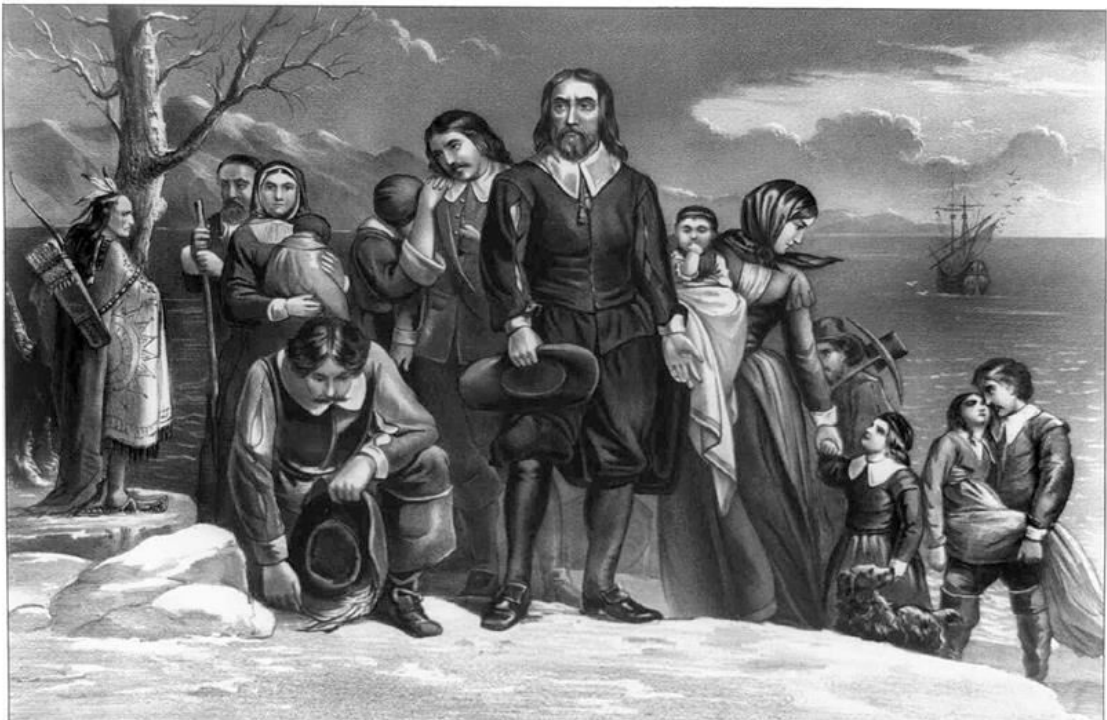
6. Спасена – да, но до процветания было еще далеко. Впереди были ужасные годы. Акционеры, вложившие в это предприятие двести тысяч фунтов, были разочарованы, не обнаружив там ни Мексики, ни Перу. На самом деле, как и в басне «Крестьянин и его сыновья», сокровища в Виргинии были, но, чтобы вырвать их у земли, надо было немало потрудиться. Один очень энергичный губернатор, сэр Томас Дейл, ввел весьма строгие законы и предписал каждому члену этого недисциплинированного сообщества возделывать не менее трех акров земли. Спасением для всех неожиданно явился табак. Испанцы и португальцы первыми познакомили Европу с этим растением. Посол Франции в Лиссабоне по фамилии Нико послал листья табака королеве Екатерине Медичи, после чего его имя навеки стало ассоциироваться с никотином. Однако моду на индейскую трубку при дворе королевы Елизаветы ввели Дрейк и Рэли. Чтобы удовлетворять эту странную потребность в дыме, Англия до сих пор закупала табак у испанцев. Но почему бы ей было не начать производить его самой? К сожалению, табак индейцев Виргинии был слишком крепок на английский вкус, и тогда один колонист, Джон Рольф, посадил у себя табак, привезенный с Антильских островов, не такой горький, как виргинский. Это произвело фурор. В 1607 году табак продавался по двенадцать долларов за фунт, его сажали даже на улицах Джеймстауна. Правительство короля, обеспокоенное тем, что колония ударилась в производство не только бесполезного, но и чрезвычайно «вредного для нравственности» растения, попыталось ограничить его ввоз повышением пошлины. Тщетно. В 1609 году урожай табака составил двадцать тысяч фунтов, в 1627-м – пятьсот тысяч, а в 1662-м – двадцать четыре миллиона фунтов. Виновник всего этого процветания Джон Рольф был вдовец, он потерял

жену на Бермудах во время кораблекрушения, описанного Шекспиром в драме «Буря». Ему пришлось в голову укрепить взаимоотношения виргинцев с местными племенами путем брака с индейской принцессой Покахонтас «отнюдь не ради плотской любви, – писал он, – а исключительно на благо плантации, во имя чести родины и во славу Божию». Покахонтас ответила на эти благородные чувства, стала доброй христианкой, получив при крещении имя Ребекка, и последовала за мужем в Лондон, где была принята с величайшими почестями и где ее убили зимние туманы.

7. Несмотря на успехи в выращивании табака, дела в Виргинии двигались медленно. Путь через океан по-прежнему был долг и тяжел. Компания давала пятьдесят акров земли каждому свободному работнику и столько же тому, кто привозил работника с собой. Однако белых рабочих было мало, а производство табака включало множество операций. В 1619 году один голландский капитан привез несколько черных рабов, что сочли полезным. Виргинские плантаторы выписали себе еще. Поскольку негры хорошо работали только в присутствии надсмотрщика, выгодно было использовать их в больших количествах, не меньше двадцати человек, что послужило дополнительной причиной для создания больших хозяйств. В том же 1619 году с разрешения компании, пожелавшей продемонстрировать свою либеральность, состоялось первое заседание законодательного собрания колонистов: палаты бюргеров Виргинии. Первое время она заседала на хорах церкви Джеймстауна. Каждое заседание начиналось с молитвы. Палата имела своего спикера и пристава. Англичане весьма искусны в переносе Англии на другой конец света. Позже губернатор преобразовал губернаторский совет в верхнюю палату. Принимаемые законы санкционировались Лондонской компанией, однако палата обладала правом накладывать вето на решения директоров. Единственным следом вассальной зависимости оставался налог в один шиллинг, взимаемый с каждых пятидесяти акров, так называемая квинтента, основанием для которой служило то, что вся земля в колониях принадлежала королю. В отчете, представленном компании в 1671 году губернатором сэром Уильямом Беркли, мы читаем, что население колонии составляло на тот момент сорок тысяч человек, две тысячи из которых – негры; что ежегодно в колонию прибывало полторы тысячи колонистов или слуг плюс два судна с черными рабами каждые семь лет. Колония производила табак, шелк в небольших количествах и корабельные мачты. Каждый год в плавание отправлялось восемьдесят английских судов. Естественно, компания-учредительница в конце концов разорилась, как разоряются все компании-учредительницы, и с 1624 года Виргиния стала принадлежать британской короне.

8. Создание Виргинии было коммерческим предприятием под королевским патронажем, однако в 1620 году в Америке, чуть севернее, появилась британская колония нового типа. Тогда, в начале XVII века, Англию раздирали жестокие конфликты. Политические и религиозные столкновения достигали невиданной ранее остроты. За паству боролись три группы церквей: англиканские, пресвитерианские и независимые. Англикане признавали божественную иерархию – епископов и монархов; англикане «Низкой церкви» были кальвинистами, равно как и пресвитерианцы, которые, в подражание Женеве, поддерживали существующую церковь, только управляли ею не епископы, а старейшины, избираемые в каждом приходе и составлявшие синод; члены независимой церкви не признавали никаких посредников между собою и Богом и воспринимали буквально слова апостола Павла: «...выйдите из среды их и отделитесь, говорит Господь, и не прикасайтесь к нечистому» (2 Кор. 6: 17). «Нечистыми» сепаратисты считали и англиканскую, и пресвитерианскую церкви. И та и другая в отместку их преследовали. Поэтому некоторые из них бежали в Голландию, где плохо прижились, поскольку по природе своей были строптивы и неуживчивы. Они вступили в переговоры с Виргинской компанией на предмет приобретения концессии. Испания запрещала доступ в колонии

еретикам, опасаясь их пагубного влияния. Англия же, отличавшаяся большим реализмом, считала еретиков преимущественно экспортным продуктом. Сепаратисты искали землю, где «могли бы мирно молиться на свободе». Компания искала колонистов. Сделка состоялась. Затем, поскольку у диссидентов не было капитала, они нашли храбрых спонсоров, согласившихся сформировать компанию, в которой эмигранты участвовали своими персонами, а коммерсанты – своими деньгами, причем и те и другие вклады были представлены акциями. Чтобы гарантировать сохранность капитала, было решено, что в течение семи лет все, что будет произведено в колонии, будет отправляться на склад и продаваться компанией. Таким образом, в сентябре 1620 года сто два «пилигрима», среди которых, впрочем, не все были сепаратистами, отплыли на корабле «Мэйфлауэр». По пути судно попало в шторм, капитан сбился с курса, целый месяц блуждал вдоль малознакомого берега, и 21 декабря, после кошмарного плавания, путешественники все же ступили на землю, но не в Виргинии, а неподалеку от мыса Код, где у них не было ни концессии, ни каких бы то ни было прав.

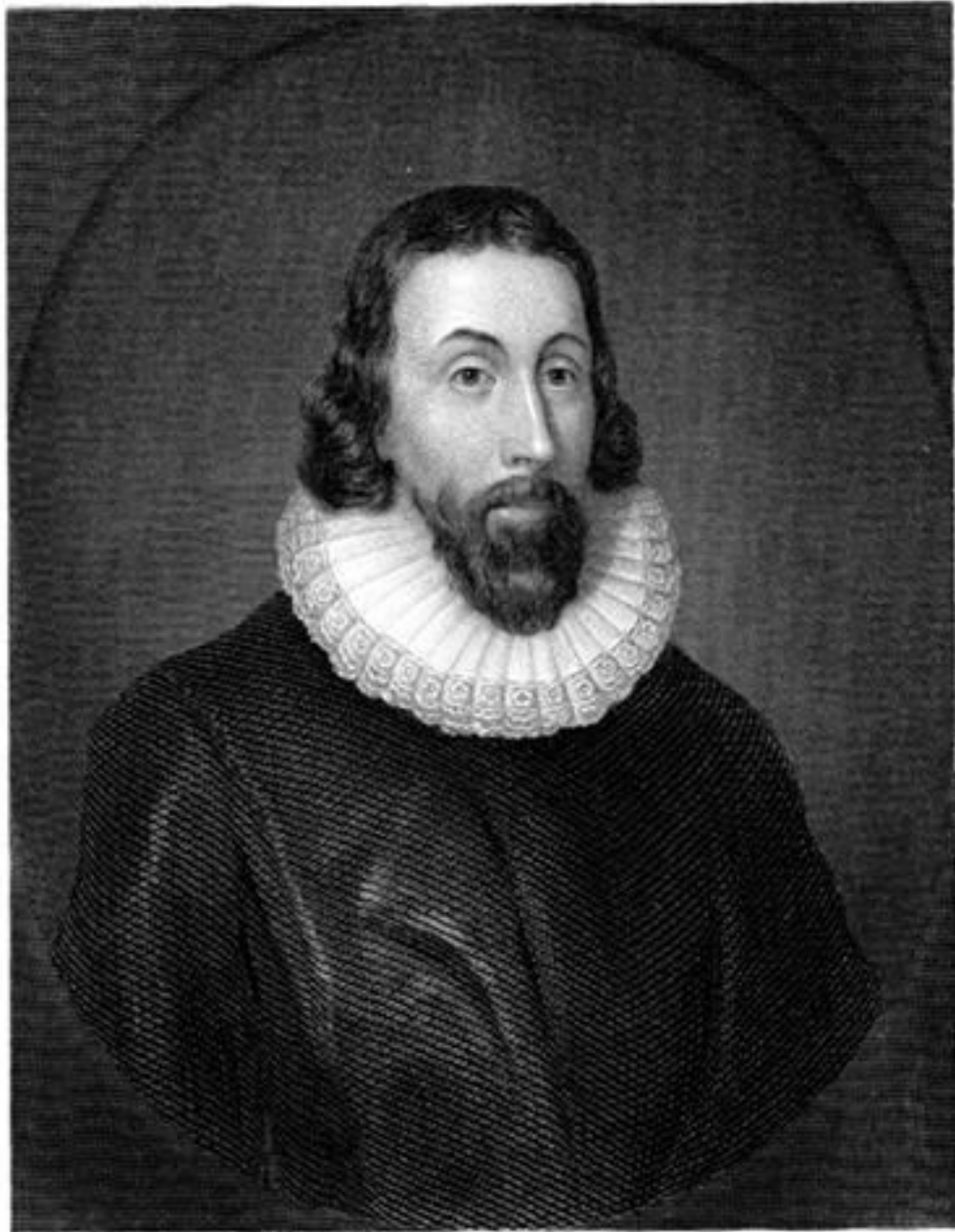
Чарльз Люси. Высадка отцов-пилигримов с судна «Мэйфлауэр» на землю Америки. 1848

9. Перед высадкой все взрослые мужчины из числа переселенцев, то есть сорок один человек, «отцы-пилигримы», собрались в одной из кают корабля и подписали соглашение, где поклялись держаться вместе и подчиняться правилам, установленным по общей воле и для общего блага. На самом деле символическому значению этого соглашения суждено было проявиться лишь позже, как это было с Великой хартией. Особое значение ему придавала идея равенства всех верующих, состоящих членами независимых сект, а также отсутствие на этом побережье какой бы то ни было власти. В Виргинии власть осуществлялась сначала компанией, потом королевскими чиновниками. Пилигримы же с «Мэйфлауэра», сами того не желая, оказались вдруг без хозяев, без руководителей, благодаря чему соглашение религиозного характера превратилось в общественный договор. Назначив губернатором одного из своих – Джона Карвера, пассажиры «Мэйфлауэра» основали деревню Плимут, первые годы существования которой были столь же трудны, как и у Джеймстауна. Половина колонии вымерла в первую же зиму. Бывали такие моменты, когда трудоспособными оставались лишь несколько человек,

которым приходилось ухаживать за больными, готовить пищу, стирать белье, что они и делали с братским самоотречением. В конце концов, благодаря помощи дружелюбно настроенных индейских племен, научивших колонистов выращивать маис, Плимутская колония выжила, но с большим трудом, и явно не процветала, поскольку к 1691 году, когда она влилась в колонию Массачусетского залива, в ней насчитывалось всего шесть тысяч колонистов. В новой колонии религиозные принципы пилигримов из Плимута не были в ходу, однако она заимствовала у них важную идею – выделение членам сообщества земель в свободную собственность. Из такого широкого распределения землевладений вырастет впоследствии политическое равенство в Новой Англии. «Этот акт, – сказал позже Дэниел Уэбстер, – зафиксировал будущие формы их правления. Характер их учреждений был определен их основополагающими законами о собственности». Плимутской колонии суждено было зачахнуть и исчезнуть с лица земли, однако влияние ее только росло.

Печать Плимутской колонии. Используется с 1629 года

Джон Уинтроп. Гравюра с портрета работы неизвестного художника XVII века

10. Пуритане кальвинистского направления, основавшие колонию Массачусетского залива, принадлежали к совершенно иному общественному слою, нежели пилигримы с «Мэй-флауэра». Те, все в основном бедняки, прежде чем отправиться в путешествие, на семь лет продались в рабство, словно библейские патриархи. Что касается группы инакомыслящих, получивших в 1629 году королевскую хартию на *Government and Company of Massachusetts Bay, in New England*, она состояла из помещиков-дворян и процветающих коммерсантов. В религиозном плане она принадлежала к англиканской церкви («Низкая церковь»); возглавлял ее известный адвокат Джон Уинтроп, а капитал был помещен в акции, без труда выкупленные самими членами. Английское правительство, выдавая хартию, думало, что эта колония, как и Виргиния, будет управляться из Лондона, однако Совет колонии решил перебраться в полном составе в Массачусетс, благодаря чему на деле образовалось почти независимое государство. Джон Уинтроп и его товарищи ни в коем случае не были демократами, а аристократами или, если точнее, теократами. Они признавали классовые и должностные различия.

В основе их стремления создать авторитарное государство лежало соединение иудейской теологии, женеvской дисциплины и британских традиций. Однако власть в этом государстве, по их мнению, могла быть только религиозной. Они верили библейским текстам, верили в постоянное вмешательство Господа Бога в людские дела, во временный характер власти служителей культа. Они покинули свою страну, чтобы повинаться своему Богу. «Это Бог, – сказал один из них, – вложил в мое сердце желание жить вдали от родины, Бог склонил моего отца позволить мне уехать, Бог свел меня с этим благочестивым священнослужителем, мистером Мавериком, с которым я был ранее незнаком и благодаря которому оказался здесь...» Они хотели основать святое сообщество, где могли бы на свободе молиться Богу так, как считали нужным, но у них не было ни малейшего желания предоставить такую же свободу другим сектам. Церковь, о которой они мечтали, была просто церковью, такой же, как англиканская, только еще лучше очищенная от самого духа папизма.

11. С первым караваном судов прибыла тысяча переселенцев, затем последовало множество других. Времена в Англии были тяжелые. Политические и религиозные беженцы оседали либо на Антильских островах, либо в Америке. Уже в 1634 году Бостон, основанный Джоном Уинтропом на берегу реки Чарльз, насчитывал четыре тысячи жителей. Его окружало множество небольших городков. Общины Массачусетса отличались от виргинских. Обработка почвы здесь требовала больших усилий, табак рос плохо, негры не приживались в суровом климате. Процветали лишь небольшие фермы, на которых работал сам фермер со своей семьей, и эти фермы вынуждены были объединяться в селения или города, чтобы совместно обороняться от индейцев. «Город» в Новой Англии был чем-то вроде английского замка. Квиренту фермер не платил, он был свободным акционером, и, по идее, управлять компанией должен был Генеральный совет или ассамблея акционеров. Однако хартия была составлена таким образом, что вначале Джон Уинтроп правил один с двенадцатью помощниками. Затем, в ответ на жалобы, было решено для голосования по налогам расширить совет, добавив к нему по два представителя от каждого города. Так была сформирована первая ассамблея, которая впоследствии разделилась на две палаты: высшую, состоявшую из губернатора и его помощников, и палату общин – из представителей городов. Джон Уинтроп жил как феодал, по старинке, в окружении множества слуг. Это был достойный правитель, самостоятельный, честный, но деспотичный. Подражая Кальвину, он считал себя наместником, поставленным самим Господом, и опирался на служителей культа. Конгрегации у пуритан обладали независимостью, и каждая из них имела во главе пастора. Совокупность этих пасторов составляла олигархию, власть которой опиралась на авторитет Библии. Право участвовать в политических дискуссиях предоставлялось лишь членам церкви, и только тем из них, кто удовлетворял определенным религиозным требованиям. Установившийся пуританский режим очень скоро стал для некоторых свободолюбивых умов столь же ненавистным, как и англиканская церковь. Старейший житель Бостона Уильям Блэкстон говорил, что покинул Англию, потому что ему не нравились лорды-епископы, и что теперь он так же не выносит «лордов-братий». Гражданская власть осуществлялась губернатором, судьями и теми из акционеров, кто был в ладах с церковью. От недовольства граждан губернатора защищали принятые законы о бунтах. Уинтроп считал создание государства такого типа своей заслугой. «Если мы заменим его демократией, – говорил он, – мы утратим авторитет Священного Писания, поскольку в Израиле не было такого вида правления. Затем мы падем еще ниже и лишимся достоинства, данного нам Провидением, ибо среди цивилизованных наций демократия считается низшей и худшей формой правления». Он не выносил ни малейшей критики решений своего суда даже во имя закона. «Каков бы ни был приговор, – говорил он, – суд вершит Господь». Самый прославленный из пасторов этого поколения Джон Коттон разделял политические взгляды Уинтропа, а доктрина о суверенитете народа была в его глазах лишь «тернием в саду у Господа». Любое стремление к свободе

греховно. Сам он желал поставить на место землевладельческой аристократии, существовавшей в Англии, олигархию благочестивых богословов.

Печать колонии Массачусетского залива в Новой Англии. 1676

Пастор Джон Коттон. Гравюра 1850-х годов с живописного оригинала XVII века

12. Столкновения более свободолюбивых умов с пуританской теократией привели к созданию новых колоний. Роджер Уильямс, «благочестивый молодой человек, безумец от Бога», прибывший из Англии в 1631 году и ставший учителем в Салеме, навлек на себя неприязнь Генерального совета своими высказываниями о том, что все люди – дети Божии, а значит, равны между собой и приходится друг другу братьями; что королевская хартия не дает никакого права на владение землями, которые на самом деле принадлежат индейцам; что церковь должна быть отделена от государства; что ограничивать членам церкви право голоса в гражданских делах – это все равно что выбирать врача, руководствуясь его религиозными убеждениями; и, наконец, что преследования за веру явно и прискорбно противоречат учению Иисуса Христа. «Член совета, – говорил Роджер Уильямс, – является не только служителем Господа, но и слугой народа». Короче говоря, он рвал с кальвинистской бостонской традицией, возвращаясь к идеям плимутских пилигримов и свободному общественному договору. В 1635 году Генеральный совет изгнал Роджера Уильямса из Массачусетса, и тот, после целого ряда опасных приключений, вместе с группой товарищей основал на Род-Айленде учре-

ждение, которое назвал Провиденс – в благодарность за помощь, оказанную им Божественным провидением, когда они терпели страшные бедствия. Верный своим принципам, Роджер Уильямс купил землю у индейцев, стал им другом, освоив их язык, и оказал самое благоприятное влияние на взаимоотношения дикарей с колонией Массачусетского залива, отплатив таким образом добром за зло. Род-Айленду предстояло стать колонией абсолютной веротерпимости, прибежищем для деликатных умов. Особенно много там было анабаптистов, избавившихся и от «папских епископов, и от пресвитерианских тиранов». Роджер Уильямс отправился в Англию, где стал другом Кромвеля, Мильтона и в 1662 году получил королевскую хартию. Америка в огромном долгу перед этим основателем политического либерализма. Когда Энн Хатчинсон, женщина умная, отважная, страстная, посеявшая своими рассуждениями о гражданской власти духовенства (антиномиями) раздор в Массачусетской колонии, и в частности в городе Бостоне, была изгнана и отлучена от церкви, она отправилась на Род-Айленд, где основала колонию под названием Портсмут. В 1643 году она была убита индейцами, и члены Массачусетского совета усмотрели в этом событии Божественную справедливость.

13. Другие группы недовольных, также прибывшие из Массачусетса, основали колонию Коннектикут. Самую известную из этих групп привел в Хартфорд «строгий и благоразумный» Томас Хукер, пастор и школьный учитель из Ньютауна. Как и Роджер Уильямс, Томас Хукер отвергал столь дорогую сердцу Джона Уинтропа теократию. «Основа любой власти, – говорил он, – лежит в свободном согласии между людьми». И еще: «Народу принадлежит привилегия избирать себе руководителей». Томас Хукер был слишком независим, чтобы найти общий язык с Джоном Уинтропом. «Я и сам не соглашусь жить под таким управлением и не допущу, чтобы так жили мои потомки». «Фундаментальные законы Коннектикута» – «первая письменная конституция современной демократии», принятая им вместе с товарищами в 1639 году, – устанавливали правительство, избиравшееся свободными людьми. Однако избирательное право принадлежало только обладателям состояния не менее тридцати фунтов. Другие пуритане, во главе с Джоном Дэвенпортом, основали на коннектикутском побережье колонию Нью-Хейвен. Они решили, что их законодательством станут Божьи законы в том виде, в каком они были провозглашены Моисеем. Так появились знаменитые «Синие законы», которые предписывали строгое соблюдение субботы, упраздняли суд присяжных, устанавливали смертную казнь неверным супругам и другие бесчеловечные строгости. Довольно скоро они были смягчены. В 1662 году различные поселения Коннектикута объединились и получили крайне либеральную королевскую хартию, согласно которой король и парламент не контролировали ни ассамблею, ни правительство, избранные членами колонии. Таким образом, Коннектикут и Род-Айленд стали первыми независимыми колониальными государствами. Гибкостью, корректностью и тихой сапой они уже в XVII веке получили то, чего Бостон со своей вызывающей позицией добился лишь в следующем столетии. «Получить привилегии, не привлекая к себе внимания, позволив церквям противоборствовать без взаимного преследования» – такова была политика Коннектикута. Она оказалась удачной, и Хартфорд стал «колыбелью американской демократии». В 1684 году выданная Массачусетсу хартия была отозвана британской короной; новая была выдана в 1691 году, но и на этот раз власть ускользнула от пуританской олигархии. Во главе совета встал назначенный королем губернатор, и избирательное право из религиозного стало цензовым. Пастыри еще долго пытались отстаивать свои привилегии. В 1702 году судья Сьюэл записал у себя в дневнике, что один из них был недоволен тем, что во время процессии в честь коронации королевы Анны гражданские власти шли впереди властей церковных. Но это была безнадежная война. Время теократии прошло. Пуританство в политике неизбежно вело к демократии.

Высадка Роджера Уильямса на Род-Айленде в 1636 году. Литография 1913 года с картины Алонзо Чаппела 1857 года

Колонизация Коннектикута. Томас Хукер и его люди в лесах Коннектикута. Гравюра. Конец XVII века

V. Англичане. II

1. Колониальные хартии выдавались королевской властью не только компаниям, но и частным лицам. Сэр Джордж Калверт, католик, дворянин, во времена королевы Елизаветы оказывал услуги Роберту Сесилу. Посетил Виргинию. По возвращении в Англию он удостоился благосклонности короля Карла I, который, будучи женатым на француженке, мирился с католиками. Не имея возможности найти сэру Джорджу достойное применение в Англии, ввиду его вероисповедания, король присвоил ему титул лорда Балтимора и предоставил во владение земли, расположенные между Потомаком и сороковой параллелью. В знак признательности Балтимор дал своему имению название Мэриленд – в честь королевы Генриетты Марии. Когда он умер, так и не вернувшись в Америку, хартия перешла его сыну. Она носила совершенно феодальный характер. Землевладелец – абсолютный сюзерен, глава церкви, главнокомандующий вооруженными силами – обладал суверенным правом на создание новых маноров, а значит, и сеньоров. Балтимор начал с того, что жаловал каждому дворянину по тысяче акров земли с условием, что тот привезет с собой в Мэриленд еще пять человек, и колонисты начали прибывать. Католик и в то же время подданный англиканского короля, он вынужден был соблюдать осторожность и приказал обращаться с протестантами мягко и справедливо. И немало преуспел в этом: в Мэриленде – о чудо! – римско-католическая и протестантская епископальная церкви жили в мире и согласии. Лорд Балтимор умело вел дела. Обладая в соответствии с хартией безраздельной властью, он не лишил своих подданных права на собрания; он провел голосование по закону о веротерпимости, согласно которому никто не мог быть потревожен за свои религиозные идеи, при условии что он верит в Святую Троицу и Иисуса Христа. Хулители трех Божественных ипостасей или Пресвятой Девы отделялись поркой, что было на диво умеренным наказанием. Свое нелегкое положение лорд Балтимор удерживал вплоть до революции 1688 года. После этой протестантской революции в Мэриленде прочно утвердилась англиканская церковь, а католической были запрещены любые публичные церемонии. Эти меры превратили католиков Мэриленда в противников короля, а лорда Балтимора – в протестанта. Ценой такого обращения он сохранил свои земельные владения, в то время как управление колонией осуществлялось британской короной.

Питер Оливер. Портрет Джорджа Калверта, 1-го лорда Балтимора. Миниатюра. 1615–1620

2. То, что Карл I сделал для лорда Балтимора, Карл II после Реставрации попытался сделать для верных роялистов, таких как Кларендон, Монк, Шефтсбери и сэр Джордж Картерет, бывший губернатор Джерси. Король пожаловал им обширную территорию на юге Виргинии, которую они назвали в его честь Каролиной (и которая вскоре была поделена на Северную и Южную). Этим вельможам пришла в голову занятная мысль обратиться к Локку, в ту пору модному философу, с просьбой составить им конституцию. И тот написал удивительный проект, в котором определил классы будущего штата наподобие того, как инженер прокладывает на плане дороги. Одна пятая часть земель должна была остаться за основателями, другая пятая часть – отойти лордам, причем возделывать ее должны были крепостные, остальное же получали независимые фермеры. Целью этого проекта было формирование аристократии, но разве могли колонисты, получив столько свободных земель, согласиться остаться на какой-то их части в качестве крепостных или пусть даже только платить квинтенту? Землевладельцы сначала вступили в борьбу, потом отказались от нее, и в 1729 году обе Каролины отошли британской короне. Лорд Беркли и сэр Джордж Картерет приобрели также в 1664 году у герцога Йоркского расположенные между реками Гудзон и Делавэр земли, которые получили название Нью-Джерси в память о бывшем губернаторстве сэра Джорджа. Там они основали город Элизабет, а прибывшие из Коннектикута пуритане – Ньюарк. Однако разного рода трудности отбили у землевладельцев всякую охоту продолжать, и в 1702 году Нью-Джерси стал, в свою очередь, королевской колонией. Похоже, что основание новых государств – это дело не для частных лиц.

3. Религиозное «Общество друзей» – членов которого называли квакерами¹, потому что, когда на них снисходил «духовный трепет», они начинали дрожать всем телом, – сумело дове-

¹ От *англ.* quakers – *букв.:* «трясущиеся».

сти пуританский протестантизм до крайних его проявлений. «Друзья» верили, что, поскольку любой человек может напрямую общаться с Богом, значение имеет лишь внутренний опыт; что, поскольку любой человек может быть избран Господом как исполнитель Его воли, необходимость в священнослужителях отпадает; что лучшей формой молитвы является безмолвное созерцание; что любое событие жизни может стать «вершиной», если оно послужит поводом для соединения со Святым Духом. Квакеры были пацифистами, они поклонялись Богу любви, а не Богу возмездия. Они отказывались воевать, платить десятину; они одевались не так, как все, и говорили друг другу «ты». Их надгробия, на которых не было высечено имен, обрекали их на вечную безымянность. Короче говоря, они шокировали конформистов своими добродетелями и верованиями. В Англии они подвергались преследованиям; многие из них эмигрировали в колонии, где были повешены. Им бы получить от короля концессию, но тот не мог дать хартию столь одиозной секте. В конце концов Уильям Пенн, сын адмирала, способствовавший реставрации на троне Карла II, которому британская корона задолжала шестнадцать тысяч фунтов и который привык уважать квакеров, получил в 1681 году от короля персональную хартию, отдававшую ему в полную собственность территорию между Массачусетсом и Мэрилендом, равную по площади Англии с Уэльсом в придачу. Он решил позвать туда квакеров, организовать там свободное правление и поставить «священный эксперимент» на этой земле, где будет царить не насилие, а любовь.

4. В 1682 году он посетил свою землю и назвал ее Пенсильванией. Красота ее лесов и рек очаровала его. «О, какой сладостный покой царит в этих местах, которым неведомы потрясения и превратности несчастной Европы!» Свою столицу он назвал Филадельфией – городом братской любви. «Священный эксперимент» оказался удачным, чему способствовала шепетильность квакеров. Они по-доброму относились к индейцам, и те платили им любовью; у них не было пороков, и потому они преуспевали в своих начинаниях. Они были веротерпимы, и к ним стали стягиваться самые разные иммигранты. Пенсильванию населили шотландцы из Ольстера, немцы-лютеране, валлийцы. К 1750 году Франклин обнаружил там население, на треть состоявшее из квакеров, на треть из немцев и на треть из «прочих». Филадельфия превратилась в городок, застроенный красными кирпичными домиками и напоминавший самые очаровательные места Англии. Пенн хотел, чтобы его столица была одновременно и городом, и деревней. Ему это удалось. Дома стояли в окружении пышных садов. Летними ночами светлячки расчерчивали их своими светящимися траекториями. Все здесь было покой, процветание, красота, и хотя квакеры не составляли большинства, им так доверяли, что избирали на все должности. Эта гармония начала нарушаться, когда Пенн, будучи другом королевской семьи, решил оказать поддержку Якову II, монарху-католику, что возмутило шотландских и валлийских колонистов. Когда Пенн умер, его сын (перешедший в англиканскую веру) утратил всякий авторитет. Между землевладельцем и ассамблеей возник конфликт, вылившийся в революцию. Священный эксперимент продлился столько же, сколько длится любой эксперимент, но квакеры остались квакерами и до сих пор хранят верность своей вере, одной из самых простых и самых благородных в мире.

Портрет Уильяма Пенна в возрасте 52 лет. Гравюра из «Популярной истории Соединенных Штатов» Уильяма Брайанта и Сидни Гая. 1878

5. Прежде чем стать английской, колония Нью-Йорк была голландской. В 1609 году корабль Голландской Ост-Индской компании «Халве Ман», управляемый капитаном Генри Гудзоном, вошел в великолепную бухту; в нее впадала прекрасная река, которой Гудзон дал свое имя. Он высадился в устье реки на длинном гранитном острове, который индейцы (встретившие Гудзона обычной смесью стрел и подарков) называли Манхаттаник – «остров, где мы были пьяны». Высокие утесы, поросшие лесом, окаймляли реку. Голландцы сразу же продвинулись до места, ниже которого сегодня располагается Олбани. По возвращении в Европу их рассказы, а главное – меха, которые они привезли с собой, возбудили живой интерес. За экспедицией Гудзона последовали другие. На оконечности Манхэттена было основано селение – Новый Амстердам. В 1621 году Голландская Ост-Индская компания получила хартию с правом пользования Новой Голландией и за шестьдесят гульденов выкупила у индейцев Манхэттен.

6. Колония стремительно развивалась. Голландцы были предприимчивы, умны, напористы и привычны к свободе. Чтобы поддержать иммиграцию, компания предоставляла большие наделы любому, кто привезет с собой пятьдесят рабочих. Один из управляющих, ван Ренсселер, говорил: «Надо открыть страну для земледелия. Это будет первый шаг». Для вида территории на законных основаниях приобрели у индейцев за несколько монет. Так они уступили пришельцам Хобокен, затем Статен-Айленд (названный так в честь Генеральных штатов – голландского парламента). По всей долине Гудзона вырастали прекрасные имения, украшенные фамильными портретами. Ван Кортландты, ван Ренсселеры, Бекманы, Скайлеры владели тысячами акров земли, и появление этих новых феодалов вызывало острое недовольство среди менее богатых колонистов. В 1643 году для наведения порядка в колонии компания посылает

нового генерал-губернатора, Питера Стёйвесанта, личность яркую и энергичную. У него была деревянная нога (за что он получил прозвище Серебряные Когти) и душа диктатора. «Возможно, – сказал он по прибытии, – что за время моего правления кто-то не устоит перед искушением пожаловаться на мои решения в Генеральные штаты. Так вот, я укорочу этих людей на фут и отправлю по кускам в Голландию, где они смогут жаловаться, если им так угодно». Когда с ним заговорили о создании в Новой Голландии ассамблеи, он ответил, что не верит в избирательную систему. «Каждый будет голосовать за себе подобного: вор за вора, мошенник и контрабандист за своих собратьев по жульничеству». Сам же он желает, сказал он, пользоваться властью, данной ему компанией, а не полученной от каких-то невежд.

Бенджамин Уэст. Договор Уильяма Пенна с индейцами. 1771–1772

7. Новый Амстердам быстро рос. Из Голландии шли груженные кирпичами и черепицей корабли, что позволяло бюргерам строить себе добротные, красивые дома. В порту богатые одежды голландских купцов живописно контрастировали со смуглой наготой индейцев, приносивших на продажу меха и табачные листья. Однако англичане без всякого удовольствия взирали на этот голландский анклав посреди их Нового Света. В 1653 году, когда между двумя странами началась война, голландцы заняли оборону и построили на Манхэттене стену, давшую название современной Уолл-стрит. Позже, в 1663 году, Стёйвесант обратился в Голландскую Ост-Индскую компанию с просьбой прислать ему подкрепление, без которого «корабль пойдет ко дну». Деспотический характер сделал его непопулярным; голландские Генеральные штаты отказывали ему в поддержке; на Лонг-Айленде поселилось много английских колонистов, которые выражали недовольство методами правления голландского губернатора. Внезапно Карл II потребовал возвращения территории Новой Голландии под тем довольно необоснованным предлогом, что земли эти были открыты еще в 1498 году Джоном Кэботом. Это была старая история, но в 1664 году английский флот обновил ее, бросив якорь в реке Гудзон. Требование о капитуляции подкреплялось присутствием пятисот солдат под командованием полковника Ричарда Николса. Стёйвесант понял, что проиграл; народ требовал, чтобы он сдался, говоря, что сопротивление – это чистое безумие; губернатор понимал, что так оно и есть. Он

уступил, и Англия, не потеряв ни одного солдата, приобрела процветающую колонию. Король подарил ее своему брату, герцогу Йоркскому, Новый Амстердам превратился в Нью-Йорк, а Форт-Оранж получил имя другого брата Карла II и стал называться Олбани. В то же самое время герцог Йоркский получил земли, на которых сегодня находится штат Делавэр. Сначала их занимали шведы, основавшие там Новую Швецию и порт Кристина (сегодня Уилмингтон).

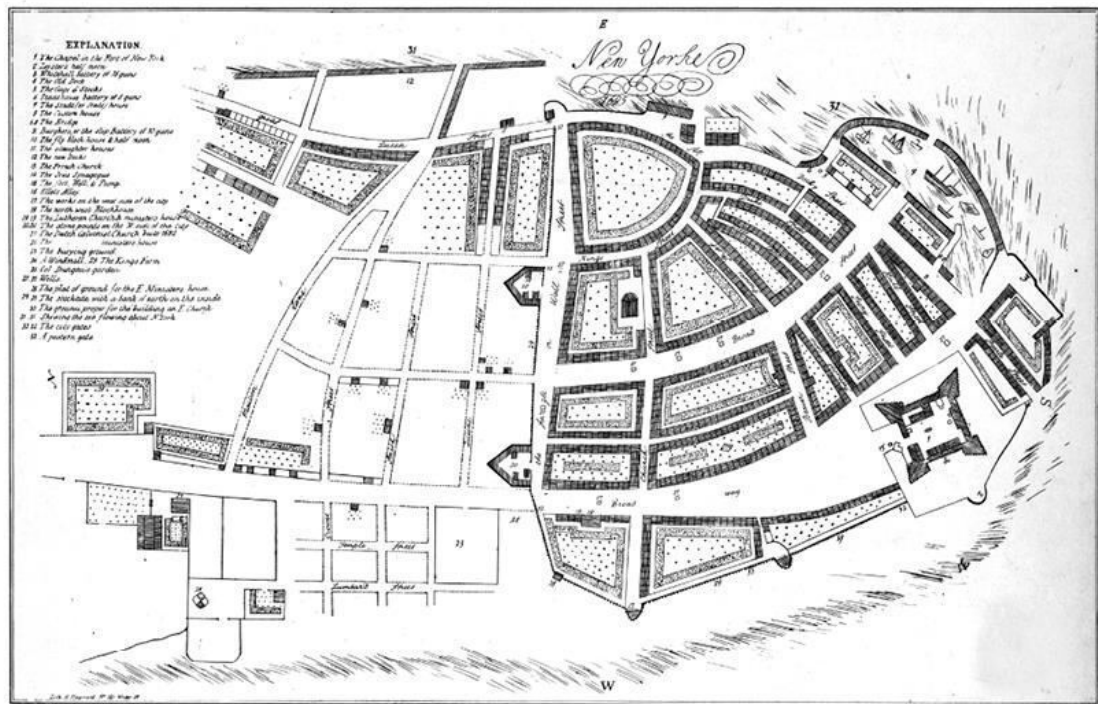
Йоханнес Вингбонс. Вид Нового Амстердама. Рисунок. 1664

8. Последняя колония британских владений располагалась далеко на юге. Она была основана филантропом генералом Джеймсом Эдвардом Оглторпом. Однажды он поехал навестить своего друга в долговую тюрьму в окрестностях Лондона, и это учреждение так его шокировало, что он потребовал и добился парламентского расследования. В результате этого расследования было изменено законодательство и десять тысяч заключенных отпущены на свободу. Выйдя из тюрьмы, все они оказались совершенно без средств, и Оглторпу пришла в голову мысль отправить их всех в Америку. В 1732 году он получил от короля Георга II хартию на территорию вдоль берегов реки Саванна и занялся сбором денег на создание там прибежища для бывших узников. «Попечители намерены оказать помощь несчастным, которые не могут жить здесь, и создать для них четко организованное сообщество. Насколько это позволят средства, они будут освобождены от уплаты стоимости переезда до Джорджии, где получают землю, орудия труда и скот...» Это был опыт патерналистской колонизации. Основавшие Джорджию филантропы желали, чтобы их колония была высоконравственной. Туда приезжали проповедовать Уэсли и Уайтфилд. Там была запрещена торговля ромом. Но если употребление алкоголя осуждалось добродетелью, этого требовал климат. Мало-помалу колонисты стали сбегать в менее трезвые регионы. В 1737 году их было пять тысяч, в 1742-м – пять сотен. В конце концов филантропы отказались от своей затеи, Джорджия стала королевской колонией, и колонисты вернулись туда.

Голландские торговцы. Новый Амстердам XVII века. Гравюра XVII века

9. Таким образом, разными путями, одна за другой, восемь колоний, созданных компаниями на основании полученных ими хартий (девять, если считать Делавэр отдельным государством), отошли британской короне; две (Пенсильвания и Мэриленд) принадлежали еще землевладельцам; еще две (Род-Айленд и Коннектикут) были в свободном управлении. На самом деле к 1750 году все они в значительной степени обладали самостоятельностью. Все в глубине души презирали власть, далекую и мало что смыслившую в их нуждах. Все на заседаниях своих ассамблей вкусили несколько фрондерскую радость свободы. Между ними самими существовало единственное глубокое различие, отличавшее Север от Юга. На Севере пуританство вооружило торговцев и ремесленников нравственностью, лучше всего способствовавшей их мирским успехам. Житель Новой Англии, или янки (исковерканное индейцами французское слово *anglais* – «английский, англичанин»), сохранил вместе со своим происхождением уверенность в своей принадлежности к избранному народу: «Господь просеял все народы, чтобы посеять на этих диких землях избранные зерна...» Борьба с неплодородной почвой и суровым климатом, необходимость много и тяжело трудиться, восполняя бедность края торговлей и мореплаванием, сформировали сильных людей, экономных, потому что им непросто было выжить, довольных собой и считавших свои постоянно увеличивающиеся богатства доказательством Божьей милости. Янки презирали безделье и наслаждение внешней роскошью. В Средние века человек трудился, чтобы жить, ограниченный в своих стремлениях и доходах строгими правилами своей гильдии или корпорации. Янки трудились, чтобы трудиться и богатеть с Божьей помощью. «В чреве этой удивительной революции в этике труда крылась революция промышленная». Южане и сами признавали достоинства янки. «Хотя эти люди, – писал полковник Бёрд, – выглядят иногда смешно из-за некоторого фарисейства, отличающего их поведение, это не мешает им быть весьма полезными личностями благодаря их воздержанности, предприимчивости и стремлению избегать соблазна». Хорошая это была порода – янки, на которую страна вскоре смогла с доверием положиться.

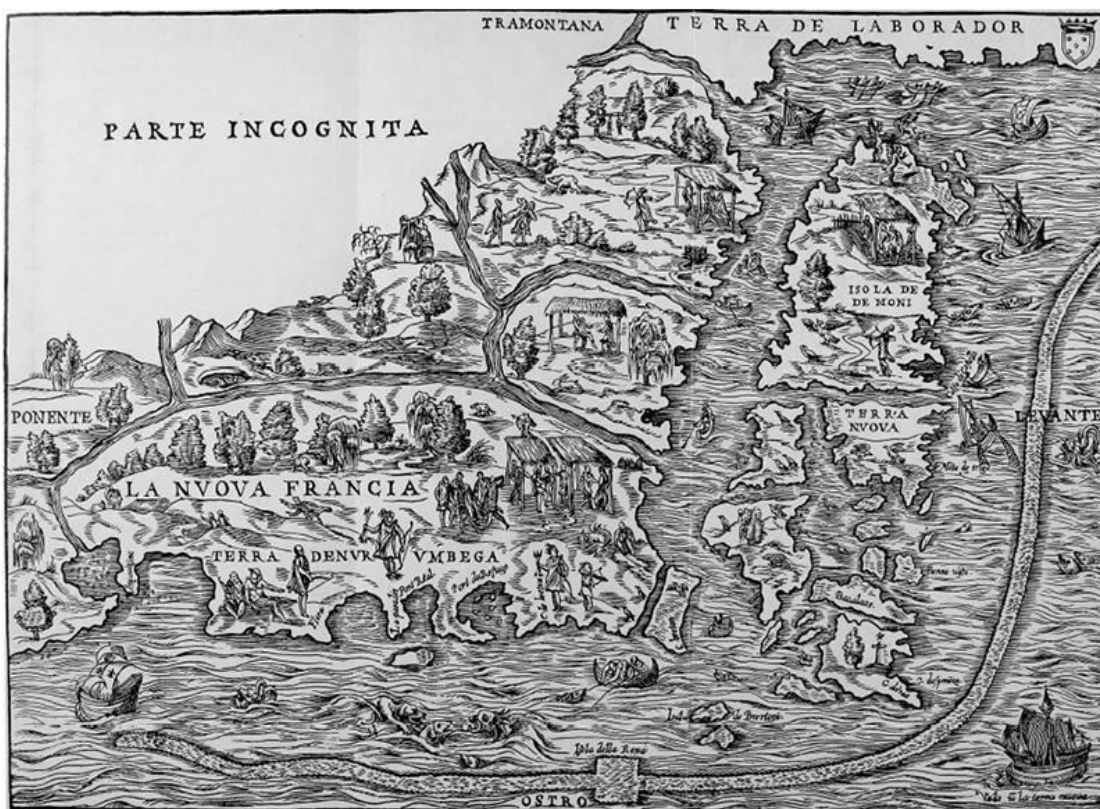

План Нью-Йорка. 1695

10. Однако Юг был так же необходим для американского равновесия, как и Север. Там огромные плантации, на которых семья производила почти все, в чем нуждалась, породили независимость иную, чем та, что была обусловлена пуританской верой, однако не менее нетерпимую к любой власти. Это касалось даже епископальной церкви: в отличие от Англии, виргинские прихожане сами избирали священнослужителей. Люди, собиравшиеся в палате бюргеров в Уильямсберге или в таверне «Охотник Исаак» в Роли, были настоящими хозяевами, которые привыкли командовать у себя в поместьях и которых рабовладение освободило от всякой работы, считавшейся ими унижительной. Эти помещики-южане к 1750 году стали походить на английских дворян-землевладельцев. Возможно даже, что старые английские традиции были им ближе, чем последним. «Менялась Англия, но только не Виргиния... Виргинцы выглядели как англичане былых лет». Казалось, что в Виргинии и Массачусетсе были выведены на удивление чистые виды «кавалеров» и «круглоголовых», которые объединили свои силы, по крайней мере на время, и больше не враждовали. Конечно, Виргиния – это еще не весь Юг, как и Массачусетс – не весь Север, но эти две колонии представляли собой то, что составляло сущность Севера и сущность Юга.

VI. Французы в Америке

1. Французские моряки были среди самых отважных в Европе. Нормандцы и бретонцы всегда любили приключения. Первыми колонию на берегу Гвинеи основали моряки из Дьеппа; другие побывали на Ньюфаундленде. «С незапамятных времен, – пишет Лекарбо, – и вот уже несколько столетий мы, уроженцы Дьеппа, Сен-Мало, Ла-Рошели, и другие моряки – из гавани Благодати, из Онфлера и прочих мест, совершаем обычные плавания в эти места ради ловли трески». Когда папа римский разделил вновь открытые земли между государями Испании и Португалии, король Франции в шутку спросил, каким таким законным образом Адамово наследство было отдано его кузенам. Франциск I лично направил в Северную Америку итальянского мореплавателя Джованни да Верраццано, который вернулся в тот момент, когда Франция, ввязавшись в смертельную борьбу с Испанией, не располагала необходимыми силами для колониальных начинаний. В 1529 году, после заключения мира с Испанией, Франциск I, как и английский король Генрих VIII, стал предаваться мечтам о галеонах, груженных золотом. А в 1534 году, благодаря его поддержке, мореплаватель из Сен-Мало Жак Картье отправился к берегам Нового Света на поиски северо-западного прохода к Индии.

Новая Франция. Карта из отчета о путешествии Жака Картье. Публикация 1890 года

2. Картье сопровождали шестьдесят французских моряков. Зайдя на Ньюфаундленд, он продолжил путь на запад и вошел в устье большой реки, которой дал имя Святого Лаврентия. Там он сошел на берег, развернул стяг с гербом Франции и запел «Vexilla regis». Встреченные им индейцы для обозначения земли или города употребляли слово «канада». Нескольких из них Картье доставил во Францию, где они научились французскому языку и стали впоследствии переводчиками. Хотя из этой экспедиции Картье не привез ни золота, ни каких бы то ни было новостей об Индии, король позволил ему снарядить три судна, чтобы на следующий

год снова отправиться в Канаду. Это плавание оказалось столь трудным и длинным, что Картье не удалось вернуться до наступления холодов, и он был вынужден зимовать в суровом канадском климате. От индейцев Стадаконы он узнал, что чуть дальше, на реке, есть крупное поселение Ошлага. Сегодня на этом месте находится Монреаль. Картье обнаружил там несколько хижин и маисовые поля. Он перезимовал в небольшом форте, построенном его людьми, и чуть не умер от голода и холода. Вернувшиеся следующей весной в Сен-Мало моряки не выказывали особого воодушевления, и король не стал субсидировать новые экспедиции. В 1541 году некий господин Роберваль, придя в возбуждение от рассказов, услышанных им от испанцев, добился для себя титула вице-короля Новой Франции и отправился вместе с Картье в третью экспедицию, оказавшуюся, к сожалению, похожей на предыдущие. После этого еще на шестьдесят лет идея о Новой Франции была забыта. Франция хорошо кормила своих жителей, и у них не возникало ни малейшего желания искать новые земли. Тем же, кто по политическим или религиозным соображениям пожелал бы покинуть родину, не было бы дозволено жить во французских колониях. Ибо, как и испанский монарх, король Франции не приветствовал в Америке учений, которые подвергались преследованию в Европе. Сам мудрый Сюлли считал, что удаленные владения не соответствуют ни темпераменту, ни духу Франции. Он ошибался.

Переговоры Жака Картье с индейцами в Ошлагe (ныне Монреаль) в 1535 году. Гравюра XIX века

3. Тем не менее, когда затихли Религиозные войны и французская корона была возложена на голову короля Генриха IV, кое-кто из французов вспомнил о неисследованных землях, на которых когда-то был водружен стяг Франции. Некий господин де Шаст, губернатор города Дьепш, в содружестве с отважным и опытным мореплавателем Самюэлем де Шампленом, получил монополию на торговлю с Канадой. Шамплен нашел Ошлагу в развалинах. Когда Шаст умер, его монополия перешла некоему господину де Мону, который обязался создать компанию и перевозить самое меньшее сто колонистов в год. Он набрал добровольцев и в 1606 году

два корабля отправились – один через реку Святого Лаврентия, другой несколько южнее – в регион, называвшийся Акадией. Вторая группа, в которую входил и Шамплен, осталась зимовать на острове Сент-Круа. Людям не хватало воды, овощей, их косила цинга. Когда лед и снег растаяли, выжившие создали на берегу поселение Пор-Руаяль. Шамплен переехал в Квебек и подружился с индейцами – гуронами и алгонкинами. Он поддержал их французским оружием в борьбе с врагами – ирокезами; они же помогали ему в освоении окрестных территорий. Как и все европейцы, пробираясь на запад, Шамплен надеялся найти там море и Индию. Вместо этого он увидел необъятную страну, огромные озера, потрясающие реки. Эта Новая Франция оказалась целой империей.

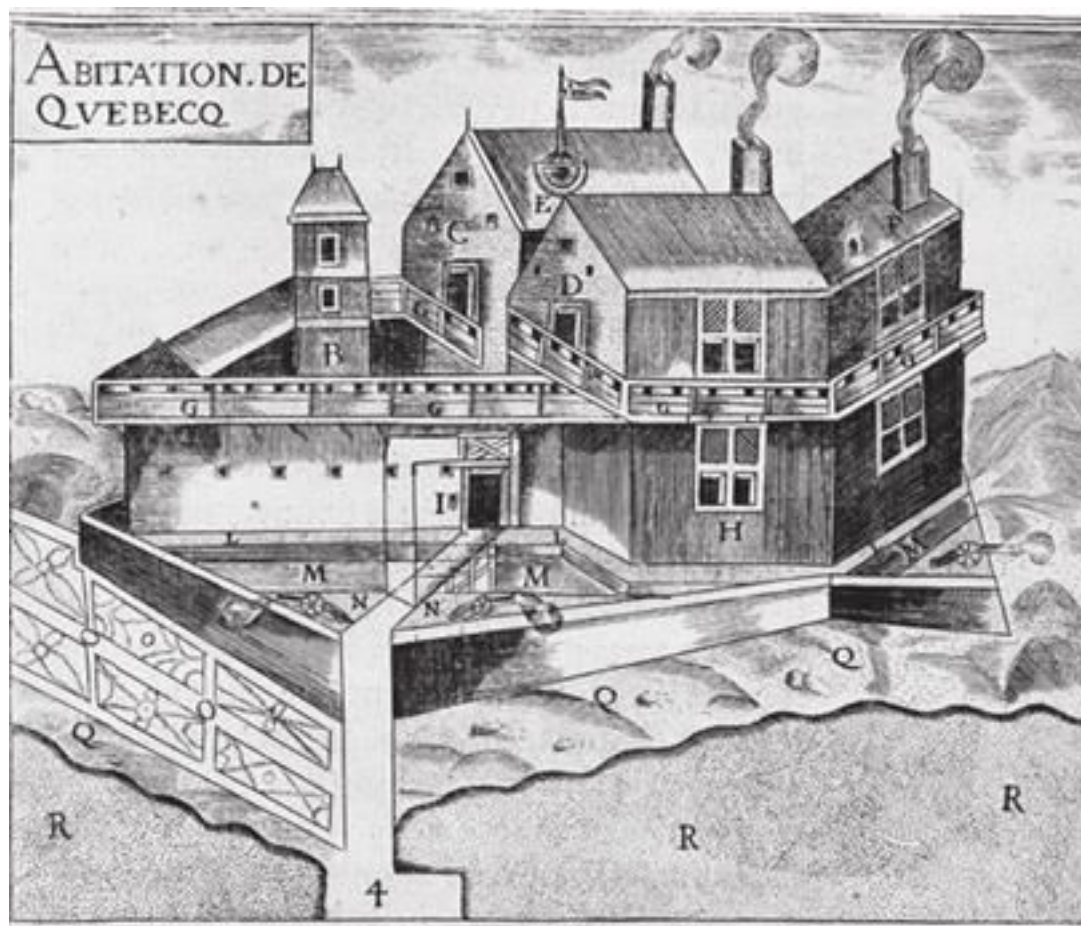
4. Первые шаги колонии были трудны. Маленькая горстка людей разбилась на партии. Господин де Мон, будучи гугенотом, лишился во Франции своей монополии. Но ничто не могло сломить мужества Шамплена. Наконец к власти пришел Ришелье. Он-то понимал, что Франция может претендовать на имперское будущее. Он основал Компанию Новой Франции. Это была уже не авантюра, а национальное предприятие, акционерами которого состояли обладатели самых громких имен Франции, в том числе сам король и кардинал. В Канаду немедленно отправился большой караван судов. Но это было время войн с Англией. Караван захватили пираты, и компания, едва начав свою деятельность, потеряла часть капитала. Немного позже и сама колония была захвачена англичанами, но в 1632 году по договору, подписанному в Сен-Жермен-ан-Лэ, они вернули ее Франции.

Самюэль де Шамплен. Гравюра XIX века

Индейцы племени алгонкин. Гравюра на основе рисунка из путевых заметок Самюэля Шамплена. 1612

Квебек. Гравюра на основе рисунка из путевого дневника Самюэля Шамплена. Ок. 1608

5. После смерти Шамплена в Канаде очень окрепли церковные элементы. Совет, управлявший колонией, состоял из губернатора, епископа или генерала иезуитов и губернатора Монреалья. Миссионеры из церкви Святого Сульпиция получили от короля большие концессии на землю, и их влияние все возрастало. В 1648 году ирокезы, которых снабдили оружием англичане и голландцы, разгромили гуронов и стали угрожать Монреалю. У Франции в ту пору было в Канаде всего пять сотен человек, способных держать оружие, однако они отразили нападение индейцев. Французы враждовали с ирокезами в течение всего времени, пока они были в Канаде. Отчасти это происходило потому, что они поддерживали другие племена, но главной причиной была организованная англичанами из Нью-Йорка по соглашению с Лигой ирокезов торговля пушниной. Леса вокруг Гудзона уже наполовину опустели. Приходилось доставлять меха из недоступных для европейцев регионов. Этим и занимались ирокезы, получая свою долю.

6. В 1659 году в Канаду прибывает папский викарий Франсуа-Ксавье де Лаваль и сразу вступает в конфликт с гражданской властью. Эти разногласия, а также ничтожные результаты деятельности компании вызвали у Кольбера желание покончить с этой системой. Компания привлекла мало переселенцев и освоила мало земель. Хартия ее была отозвана, и в 1663 году Канада стала королевским владением. Совет из семи членов получил полномочия, аналогичные тем, которые имел парижский парламент, то есть одновременно законодательные и судебные. Этому совету предстояло сослужить немалую службу. В колониальной жизни французы проявили ум, большое мужество, заботу об общественном благе. Их недостатками были излишняя централизация (слишком много было у них судей, бальи, сенешалей, и всем пла-

тила колония) и прискорбная неспособность договариваться между собой. Чиновники беспрестанно конфликтовали, враждующие администрации писали рапорты королю, который с бесконечным терпением читал их все и выносил на полях свое решение. В целом Новая Франция оставалась Францией, со всеми своими достоинствами и слабостями.

7. С того момента, когда король вступил во владение этими землями, их население удвоилось. Прибывало все больше крестьян из Нормандии, Бретани, Перша, Пикардии. Но главным богатством края оставалась торговля мехами. Начиналось все с приобретения лисьих и бобровых шкур у индейцев в долине реки Святого Лаврентия, потом – дальше, на Миссисипи и Огайо. И везде французы и индейцы ладили между собой. Охотники-следопыты, часто благородного происхождения, бывшие офицеры, обожали лесную жизнь с ее приключениями. «Не могу сказать, – писал один губернатор, – до какой степени такая жизнь привлекает нашу молодежь». В 1640 году из каждых десяти тысяч жителей одна тысяча жила в лесу. Анри де Тонти, Антуан де Ламот Кадийяк, Гресолон дю Лют, Жан Николет – все эти первопроходцы, основатели городов начинали как трапперы. Англичане и голландцы ждали в своих укрепленных фортах, когда индейцы придут к ним продавать свои меха, французы же с примечательной смелостью сами отправлялись к индейцам, заводили с ними дружбу и приводили их в колонию. Ежегодно целая флотилия каноэ, нагруженных пушниной, спускалась с озер в Монреаль, где проходила большая ярмарка, на которой торговцы обогащались, продавая индейцам ружья, одеяла, стеклянные бусы и коньяк.

8. Французские иезуиты, как и трапперы, поселились среди индейцев и выучили их язык. Им угрожали пытки и смерть, но они не боялись ни того ни другого. «Радость, которую испытываешь, – писал один из них, – когда окрестишь дикаря, а он вскоре умрет и отправится прямоком на небеса, чтобы стать ангелом, – эту радость ни с чем нельзя сравнить». Они ухаживали за больными, помогали заключенным, учили детей язычников христианским молитвам, переведенным на их язык. Индейцы приходили в хижину миссионера и, сидя на корточках, слушали, как тикают часы. Они считали их живым существом и называли «повелителем дней». Часы звонили, и индейцы приходили в восторг, когда монах говорил: «Ну, хватит», и звон тотчас прекращался. «Что сказал повелитель?» – спрашивали они. «Повелитель сказал: „Вставайте и возвращайтесь домой...“» – отвечал монах, и индейцы повиновались... Целью миссионеров было, естественно, обращение индейцев в христианство. Но иезуиты были хорошими французами и тем деятельнее способствовали торговле своей родины, что ее конкурентами на рынке были еретики-англичане. Правда, по одному пункту они все же враждовали с охотниками-следопытами. Те считали лучшим материалом для обмена водку; они признавали, что развращать и спаивать индейцев не слишком нравственно, да и небезопасно, но, если этого не делать, единственными, кому это пойдет на пользу, будут англичане. Монреальскую водку сменит бостонский ром, трапперы лишатся пушнины, а католические миссионеры – возможности отправлять души туземцев прямоком на небеса. Так не лучше ли проявить «разумную добродетель»? Однако не таково было мнение монсеньора де Лавалья, писавшего в Версаль страстные письма, обличающие водку. По требованию короля Кольбер опросил жителей колонии. Те сказали, что алкоголь продается, в сущности, в небольших количествах. «Да, – ответили на это иезуиты, – но индейцу, чтобы опьянеть, нужно очень мало спиртного». Спору не было конца. Более серьезной стороной вопроса была опасность, которую представляла для колонии опора преимущественно на торговлю пушниной. Невозможно добиться здорового, долговременного процветания при столь ненадежном источнике доходов. Канаде больше подошла бы солидная аграрная экономика.

Клод Франсуа. Портрет Франсуа-Ксавье де Лавалья, первого епископа Квебека. Ок. 1672

9. В 1672 году король, преисполненный надежд на будущее Новой Франции, послал туда превосходного губернатора, графа де Фронтенака. Это был военный пятидесяти двух лет, принявший участие не в одной войне в Европе и знавший свое дело. Он сразу же заставил индейцев себя уважать, но был огорчен мелочной враждой между епископом и интендантом, превращавшей колонию в «маленький ад». Даже с самим Кольбером Фронтенак был не всегда согласен. Министр считал, что вся энергия французов должна быть направлена на развитие уже колонизированной территории. Фронтенак, напротив, справедливо думал, что с военной точки зрения для удержания Канады надо покорить водные артерии и, следовательно, продвигаться дальше, к Великим озерам. Он планировал построить форты в стратегически важных точках, отвечающих за выходы к водным путям. Первый из них, форт Фронтенак, был расположен в том месте, где река Святого Лаврентия вытекает из озера Онтарио. Комендантом форта он назначил руанца Кавелье де Ла Салья, которого очень ценил. Затем в 1678 году он поручил Ла Салью строительство форта Ниагара. Это было прекрасное сооружение в духе Вобана, на стенах которого до сих пор можно прочесть имена французов, уроженцев Нормандии или Пуатье, которые составили его первый гарнизон.

10. Рене-Робер Кавелье де Ла Саль, нормандец, искатель приключений, мечтал, как и всякий путешественник того времени, достичь Западного моря. Еще с миссионерами из церкви

Святого Сульпиция он побывал на озере Эри и, весьма вероятно, проследовал оттуда к бассейну реки Огайо. Повсюду индейцы рассказывали ему о «великой реке» – Миссисипи, и он задумывался, не является ли она водным путем на Запад. Но два других француза, отец Маркетт и Луи Жолье, дошли до «великой реки» и узнали, что она течет не в Индию, а к Мексиканскому заливу. Кавелье де Ла Саль решил пройти по ней до самого устья. Он построил судно под названием «Грифон» и спустил его на воду на озере Эри, где эта «плавающая крепость» поразила воображение индейцев. Позже он достиг места слияния Иллинойса и Миссисипи. В 1681 году, проявив немалое мужество, он спустился по Миссисипи до самого ее устья и водрузил там колонну, украшенную белыми лилиями, на которой развернул королевский стяг. Обратный путь был тяжел, приходилось плыть против течения, но Ла Салью удалось вернуться в Канаду. В 1684 году он отправился во Францию и горячо советовал Людовику XIV основать в устье Миссисипи колонию, которую предлагал назвать в честь короля Луизианой. Позже, соединив Канаду с Луизианой, Франция приобрела бы гигантскую империю. Это был грандиозный и благородный проект, который мог бы принести Франции почти всю Северную Америку. Король понял это и дал Ла Салью четыре судна, но тот не смог вновь отыскать устье «великой реки». В жалких потугах он скитался вдоль побережья и был в конце концов убит одним из своих подчиненных.

11. Однако планы этого великого человека с его смертью не погибли. Французы построили вблизи Миссисипи форт Морепа, а агент Ост-Индской компании господин де Бьенвиль основал там в 1718 году город, названный в честь регента, герцога Орлеанского, Новым Орлеаном. Французская колония начала развиваться. Она описана в «Манон Леско». Лоу и его компания заселяли ее предосудительными способами: полицейские стражи похищали женщин «нестрогой нравственности» и насильно сажали на корабль. Ради Нового Орлеана опустошался Орлеан старый. «Милая девушка, – говорили полицейские, – хотите отправиться на Миссисипи? Я дам вам богатого мужа, у которого золота будет столько, сколько он весит сам...» Две женщины улыбнутся с порога своего дома проходящим мимо солдатам. «Какие хорошенькие американки», – скажет один из них, и вот уже обе несчастные брошены в повозку. Случались бунты, полицейских убивали. Обо всем этом рассказывает Сен-Симон в своих «Мемуарах». После основания Нового Орлеана важно было построить в долине Миссисипи цепь фортов и соединить ее с теми, что были построены Канадой вдоль русла Огайо. Тогда сбылись бы наконец чаяния Кавелье де Ла Салья, Жолье, Маркетта. Но была ли во Франции после Людовика XIV власть, достаточно длительная, чтобы осуществить столь масштабные планы?

Освоение дельты Миссисипи и основание Луизианы Кавелье де Ла Салем в 1699 году. Гравюра начала XVIII века

12. Новая Англия была похожа на Англию, но при этом во многом отличалась от нее. Преобладание инакомыслящих, смешение национальностей, полное отсутствие наследственной аристократии и скромность состояний делали ее лишь слабым подобием оригинала. Новая Франция, напротив, была идеальным отростком Франции. В Квебеке, малой столице Франции, сформировался двор, светские салоны. Положение в свете там получали по рождению и весьма строго. Священники носили сутаны. В сельских приходах выход прихожан из церкви после воскресной мессы напоминал о французской провинции. Миссионеры, отправляясь к индейцам, брали с собой чемодан с походным алтарем и вышитым стихарем. Кавелье де Ла Саль для участия в мессе посреди девственного леса надевал красный кафтан, расшитый золотом. Только трапперы одевались по местной моде: меховая шапка, куртка из бизоньей кожи, мокасины, снегоступы – и отпускали бороду, как местные жители. Кстати, туземцы довольно хорошо ладили с французами, им нравилась жизнерадостность европейцев, а те восхищались

их отвагой. Индейцы почитали миссионеров, которые учили их множеству полезных вещей, даже строительству оборонительных сооружений с четырьмя башенками по углам, позволявшими лучше обзирать подступы к укреплениям. С уважением относились они к крестьянам, мужественно расчищавшим земли под пашни. Трудолюбие, мужество, добродушие должны были способствовать процветанию колонии, и она процветала. Но развивалась она слишком медленно, чтобы иметь шанс на выживание. В 1754 году, когда соседние английские колонии насчитывали уже больше миллиона жителей, в Канаде их было не больше восьмидесяти тысяч. И эта разница – результат легкомыслия французов, не желавших покидать родину, а также неприятия еретиков со стороны королевских властей – была опасна.

VII. Эпоха войн

1. Европейцы, искавшие пристанище на новом континенте, думали, что смогут таким образом избежать многовековых европейских распрей. Однако очень скоро эти распри настигли их и здесь. В Европе началась новая Столетняя война между Англией и Францией. После революции 1688 года английским королем стал Вильгельм III Оранский, протестант и давний враг Людовика XIV. Мог ли король Франции, союзник Стюартов, протянуть руку дружбы человеку, которого считал узурпатором и еретиком? Со своей стороны, Вильгельм III в своем стремлении сохранить в Европе равновесие власти должен был противиться любому поползновению Франции подчинить себе Фландрию, будь то военным путем или благодаря политическим союзам. Конфликт на Европейском континенте был неизбежен, как и на Американском. Англичане занимали там лучшую часть побережья, их колонии процветали. Однако французские колонисты изменили ситуацию. Их форты на Огайо угрожали отрезать английские колонии от внутренних земель, а если бы канадские французы соединились со своими собратьями из Луизианы, Франция и вообще стала бы хозяйкой на континенте. Таким образом, к династическим распрям добавлялись распри местные. Что касается индейцев, они коварно наблюдали за тем, как ссорятся белые, и надеялись извлечь из этого выгоду, либо организуя грабительские набеги, либо для защиты своей независимости.

2. Сразу после восшествия на престол Вильгельма III ирокезы, союзники англичан (всячески ими подстрекаемые), напали в августе 1689 года на деревню Лашин, близ Монреала, и устроили там ужасающую резню. Старика Фронтенака отозвали из отставки и отправили в Квебек в качестве военного губернатора. Он хотел было пойти в наступление, спуститься в долину Гудзона и идти на Нью-Йорк, но, не имея достаточных сил для осуществления этого намерения, организовал набеги индейцев на британские приграничные районы. Ответом на резню в Лашине стала бойня в Скенектади. Богатый массачусетский пуританин сэр Уильям Фипс решил отправиться в крестовый поход сначала на Пор-Руаяль, в Акадию, где ему удалось захватить город, после чего он пошел на Квебек. С флотом и более чем десятью тысячами человек он поднялся вверх по течению реки Святого Лаврентия, бросил якорь напротив Квебека и послал Фронтенаку ультиматум. Его парламентар был доставлен во двор замка Сен-Луи с завязанными глазами. Когда ему сняли повязку, он увидел вокруг себя весь гарнизон. Фронтенак бросил ему в лицо письмо Фипса, пригрозил повесить и сказал, что ответ будет дан только пушками. «Франция знает, – добавил он, – только одного английского короля: это пребывающий в изгнании Яков II». Фипс попытался высадиться на берег, но ему это не удалось. Он вернулся в Бостон, поджав хвост и не понимая, как Небеса могли допустить такой триумф папистов. Тем временем в Европе Людовику XIV приходилось обороняться от мощной коалиции, собранной Вильгельмом III. За восемь лет военных действий ей так и не удалось свалить Францию, и в 1697 году Людовик XIV подписал в Рейсвейке не слишком плохой договор. Он вынужден был признать Вильгельма III, но при этом Франция сохраняла за собой колонии. К сожалению, это был мир, который не считался перемирием даже теми, кто его подписывал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.